

Univerzita Karlova v Praze
Pedagogická fakulta

BAKALÁŘSKÁ PRÁCE

2011

Kateryna Stashevska

Univerzita Karlova v Praze

Pedagogická fakulta

Katedra rusistiky a lingvodidaktiky

**Крымский период и его влияние на жизнь и творчество Марины
Цветаевой**

Autor: Kateryna Stashevska

Vedoucí práce: PaedDr. Antonín Hlaváček

Praha 2011

Название

Крымский период и его влияние на жизнь и творчество Марины Цветаевой

Краткое содержание

Данная работа сосредоточена на крымском творчестве Марины Цветаевой, ее дружбе и духовном влиянии Максимилиана Волошина, их переписке. Здесь представлены наиболее известные стихи Цветаевой этого периода. Крымская жизнь Марины Ивановны также рассматривается как начало ее творческого пути, приобретение известности в широких литературных кругах.

Здесь представлено отражение личности Максимилиана Волошина в ранних и более поздних ее произведениях, воспоминаниях.

Крым для Цветаевой – это также и новые знакомства, в том числе, со своим будущим мужем.

В работе подробно расписан каждый год пребывания Марины Цветаевой в Крыму, на отдельных крымских стихотворениях прослеживается изменение Цветаевой как поэта.

Помимо этого, данная работа содержит стихотворения Волошина, посвященные Цветаевой.

Ключевые слова

Крым

Ялта

Гурзуф

Коктебель

Феодосия

«Вечерний альбом»

«Живое о живом»

Максимилиан Волошин

Сергей Эфрон

Елена Оттобальдовна Волошина

Title

Crimean period and its influence on the life and work of Marina Tsvetaeva.

Summary

This work contains the description of Crimean period of Marina Tsvetaeva's poetry, the friendship and spiritual influence of Maximilian Voloshin, their correspondence. Here you can find the most popular verses from that time. The Crimean life of Tsvetaeva is considered to be the beginning of her creative career, gaining of popularity in wider literary circles.

The reflection of Maximilian Voloshin's personality in her early and later work and memoirs is also presented here.

Crimea for Marina Tsvetaeva is as well a place where she met her husband, found new friends.

Every year of her stay in Crimea is described here in detail. While examining particular Crimean poems, we can also follow the changing of her as a poet.

In addition, this work contains some verses of Maximilian Voloshin which are dedicated to Marina Tsvetaeva.

Key words

Crimea

Yalta

Gurzuf

Koktebel

Feodosiya

«Evening Album»

«A Living Word About a Living Man»

Maximilian Voloshin

Sergei Efron

Elena Ottobaldovna Voloshina

Prohlašuji, že jsem bakalářskou práci vypracovala pod vedením
PaedDr. Antonína Hlaváčka samostatně na základě vlastních
zjištění a za použití pramenů uvedených v seznamu.

Praha, 4 dubna 2011

.....

Я бы хотела искренне поблагодарить Д-ра Антонина Главачека за помощь, ценные советы при выборе литературы и комментарии к данной работе.

Содержание:

Введение	8
Марина Цветаева. Краткая биография	10
I. Первое посещение Крыма. Раннее творчество	13
1. Литературные влияния	13
2. Революционные идеи	14
3. Исторический контекст	16
II. Москва. Первый сборник стихов	19
1. Знакомство с Максимилианом Волошиным	20
III. Крым 1911 года	31
1. Гурзуф	31
2. Биография Волошина	34
3. Коктебель	38
IV. 1913 – 1914 гг. в Крыму. Творчество	47
1. Коктебель, Ялта	47
2. Феодосия	51
V. Последние посещения Крыма	58
1. Революционный год. Письма к Волошину	60
2. Последние письма к Волошину и Пра. Потеря связи с Сергеем Эфроном	65
VI. Максимилиан Волошин в творчестве Цветаевой	70
Заключение	78
Résumé	80
Список использованной литературы	81
Приложение	83

Введение

Тема работы

Данная работа относится к русской литературе XX века, к так называемому «серебряному веку». Основное внимание уделяется творчеству Марины Цветаевой 1910 – 1920 гг., его подтексту.

Выбор темы

Тема настоящей работы была выбрана, чтобы наиболее четко и подробно описать не только творчество Марины Цветаевой в Крыму, но и ознакомить с ее крымской жизнью, началом ее творческого пути, крымским бытом поэта, повседневной жизнью.

Данная тема является особо близкой автору этой работы в связи с ее родом из Крыма.

Цель работы

Цель работы – продемонстрировать влияние Крыма на творчество Марины Цветаевой, показать, каким образом жизнь на юге и знакомство с новыми друзьями непосредственно отражаются в ее поэзии того времени. Целью работы также является проведение параллелей между ранним творчеством и его отголосками в более поздних произведениях, в том числе и в прозе поэта, ее воспоминаниях.

Задачей также было проиллюстрировать влияние на Цветаеву других поэтов, главным образом, Максимилиана Александровича Волошина. Работа предлагает чешскому и русскому читателю ознакомиться с отрывками из корреспонденции Цветаевой и Волошина, подчеркнуть особое значение их переписки, которая, в некотором роде, является продолжением творчества Цветаевой того времени.

Данная работа ставит себе целью наиболее ясно и объективно дать представление о крымском периоде творчества поэта.

Структура работы

Работа разделена на главы, которые представляют отдельные годы жизни Цветаевой, связанные с Крымом и личностью Волошина. Каждая из глав в себе соержит один или несколько подзаголовков, уточняющих повествование. В самом конце работы также находится приложение, содержащее отдельные стихотворения Цветаевой и фотоматериалы.

Методология обработки темы

Сначала было проведено всецелое ознакомление с биографией поэта, творчеством, касающегося интересующей нас темы. На основе прозаических произведений Цветаевой, ее богатой корреспонденции, были обозначены связи, соединяющие ее раннее творчество с определенными личностями, реалиями и ее южным бытом.

Не менее важным является личное ознакомление автора данной работы с местами в Крыму где бывала и жила Цветаева. Не последнюю роль играет и посещение двух музеев: в Коктебеле (Дом-музей Волошина) и в Феодосии (Музей сестер Цветаевых).

Источники получения материалов

Основными источниками работы являлись публикации, полностью посвященные жизни и творчеству Марины Ивановны Цветаевой, полное собрание сочинений, полное собрание писем Цветаевой к Волошину и другим лицам. Также был использован газетный материал. Неоднократно были применены источники интернета: сайты, посвященные Цветаевой и Волошину; публикации, касающиеся Крыма, Коктебеля и дома Волошина.

В приложении некоторые фотографии были сделаны автором данной работы непосредственно в музее (Феодосия), Коктебеле (окрестности города).

Марина Цветаева. Краткая биография

Марина Ивановна Цветаева родилась 26 сентября (8 октября) в 1892 году в Москве. Отец – Иван Владимирович Цветаев, профессор Московского университета (позже – основатель Музея изобразительных искусств), искусствовед, филолог, директор Румянцевского музея. В ответе на анкету Марина Ивановна подчеркивала сильное влияние отца (страсть к труду, отсутствие карьеризма, простота, отрешенность).

Мария Александровна Цветаева (урожденная Мейн), мать Марины Ивановны, была пианисткой, ученицей Антона Рубинштейна. Детство Цветаевой проходило в Москве, а летние месяцы в Тарусе, на Оке.

Из-за болезни М. А. Мейн семья была вынуждена на время переехать за границу. С 1902 года они жили в Италии, Швейцарии, Германии. В Германии юная Марина и ее сестра Ася (на два года младше) посещали пансион недалеко от Фрейбурга.

В 1905 году врачи посоветовали М. А. Мейн сменить климат. Семья переезжает в Крым. В 1906 году Марина Александровна скончалась от чахотки в Тарусе.

Первые стихи Марины Ивановны датируются 1906 годом. На протяжении 1908-1910 гг. Марина Ивановна сменила несколько московских гимназий. Одновременно с этим она собирает стихи для своего первого сборника.

В 1910 году выходит первая книга стихов Марины Цветаевой «Вечерний альбом». Еще через два года выйдет ее вторая книга – «Волшебный фонарь».

В 1911 году в Коктебеле, в гостях у Максимилиана Волошина, Марина Ивановна знакомится со своим будущим мужем, Сергеем Яковлевичем Эфроном. В январе следующего года они венчаются и едут в свадебное путешествие в Италию, Францию, Германию. В мае 1912 года состоялось торжественное открытие Музея Александра III (ныне Музей изобразительных искусств). В сентябре у семьи Эфронов родилась дочь Ариадна.

В августе 1913 года скончался отец Марины Ивановны.

Встречу нового 1916 года Цветаева проводит в Санкт-Петербурге, где знакомится с Михаилом Кузминым, Осипом Мандельштамом. В этом же году Цветаева пишет стихи к Блоку, Анне Ахматовой, Мандельштаму.

После Февральской революции Марина Ивановна пишет стихи о конце, муках, гибели. Революцию 1917 года Цветаева не приняла. Сергей Эфрон записался в Добровольческую армию. В январе 1918 года Марина Ивановна в последний раз видит

мужа перед более чем четырехлетней разлукой. В течение 1918 года написаны стихи, которые позже войдут в книгу «Лебединый стан». С конца 1918 года по 1919 год Цветаева пишет пьесы: «Червонный валет», «Метель», «Приключение», «Фортуна», «Каменный ангел», «Феникс».

Зимой 1920 года в приюте умирает младшая дочь Цветаевой, Ирина (родилась в 1917 году). Весной Марина Ивановна впервые увидела Блока на его выступлении в Политехническом музее. Чуть позже она присутствует на юбилейном вечере К. Бальмонта во Дворце Искусств в Москве. Летом Цветаева пишет поэму-сказку «Царь-Девница». Зимой следующего 1921 года написаны поэмы «На красном коне», «Егорушка». В июле Цветаева узнаёт, что ее муж жив и он в Константинополе, собирается переезжать в Чехию. Марина Ивановна тут же планирует отправиться за мужем. В 1922 году написана поэма «Переулочки» – прощание с Москвой. 11 мая Цветаева уезжает из России.

Несколько месяцев Марина Ивановна с дочкой проводят в Берлине, а 5 августа приезжают в Прагу. Сергей Эфрон учится в Карловом университете на Философском факультете. Семья жила в основном за Прагой (Мокропсы, Вшеноры). Некоторое время они жили в Праге в Смихове. С ноября 1922 года завязалась переписка Цветаевой с Борисом Пастернаком (познакомились они еще в Москве, после октябрьских событий). Марина Ивановна завершает работу над большой поэмой-сказкой «Молодец».

В 1923 году Цветаева знакомится с Константином Родзевичем, у них завязывается роман. Уже в 1924 году Родзевич станет героем произведений «Поэма Горы» и «Поэма Конца», одних из наилучших творений поэта. В 1925 году у семьи Эфронов рождается сын Георгий. С весны начинается работа над поэмой «Крысолов». В Чехии семья жила бедно, Марине приходилось постоянно находиться с детьми, Сергей вместе с учебой, был редактором студенческого журнала «Своими путями». Материально семье помогали и новые знакомые, но и после этого финансовое положение семьи не было наилучшим. Они решают переехать во Францию, столицу русской эмиграции. По причине все той же бедности, семья жила в пригородах Парижа, отношение эмиграции к Марине Ивановне было неблагоприятным. Весной – летом 1926 года происходит эпистолярное знакомство Цветаевой с Р. М. Рильке. У Б. Пастернака, М. Ц. и Рильке завязывается дружески-романтическая переписка. В июне 1926 написана поэма «Попытка комнаты», обращенная к Рильке и Пастернаку. В этом же году написана «Поэма лестницы».

В Париже Цветаева печатает ряд статей, очерков («Поэт о критике», «Мой ответ Осипу Мандельштаму», «Возрожденщина», доклад «Поэт и время», «Историю одного

посвящения» и др.), автобиографические очерки и мемуары: «Музей Александра III», «Лавровый венок», «Жених» и др.

В 1933 году Сергей Эфрон принимает твердое решение вернуться на родину. Дочь Марины Ивановны и маленький сын разделяют взгляды отца. Эмигрантские круги начинают подозревать Цветаеву в просоветской настроенности.

В 1937 году Сергей, уже несколько лет завербованный органами НКВД, оказался замешан в политическом убийстве Игнатия Рейсса, бежал из Франции в Россию. Полгода назад, Ариадна Эфрон тоже уехала на родину.

В 1938 году Цветаева в последний раз выступила с чтением стихов на литературном вечере. Осенью она работает над стихами к Чехии. После оккупации Чехии фашистскими войсками, Марина Ивановна пишет цикл «Март», «Стихи в Чехии».

12 июня Цветаева с сыном покидают Францию. Через неделю они уже в Москве, поселились в подмосковном поселке Болшево.

Цветаева работает над переводами на французский язык стихотворений Лермонтова. В августе 1939 года арестована ее дочь, а в октябре – Сергей Эфрон. Марина Ивановна предпринимает попытку помочь родным – пишет письмо Берии. Безрезультатно.

В 1940 году они с сыном переезжают в подмосковное Голицыно; с лета живут в Москве. Марина Ивановна занимается болгарскими переводами, переводит Ивана Франко, Ш. Бодлера, французские песенки.

В 1941 году переводит т. н. «Белорусских евреев». Летом состоялась ее двухдневная встреча с А. А. Ахматовой.

22 июня Цветаева чудом избежала первой бомбежки Москвы.

8 августа она уезжает в эвакуацию с группой писателей. 18 августа – прибытие в Елабугу (Татарстан). Сразу по приезде начинаются проблематичные поиски работы. С этой же целью она едет в Чистополь, где ей в конце концов обещают помочь.

31 августа Марина Ивановна Цветаева покончила жизнь самоубийством. Точное место, где она была похоронена, неизвестно (9, с. 9, 313-323).

Первое посещение Крыма. Раннее творчество

1. Литературные влияния

Однажды летом, в Коктебеле, Максимилиан Волошин поспорил с Аделаидой Герцук. Аделаида Казимировна утверждала, что на Марине Ивановне не отразились никакие литературные влияния. Впоследствии Волошин с этим вынужден был согласиться и одновременно признать свой проигрыш. Вот что вспоминает Аделаида Казимировна об этом пари: «Когда он мне принес вашу книгу, я сразу обнаружила полное отсутствие литературных влияний, а М. А. настаивал на необнаруженном. Мы целый вечер проспорили и в конце держали пари: если М. А. в течение месяца этого влияния не обнаружит, он мне вас проигрывает, как самую любимую вещь. Потому что он вас очень любил, Марина, и еще любит, но только так и поскольку разрешаю – я. Никакого влияния, кроме Наполеона, который не есть влияние литературное, он обнаружить не мог – потому что, я это сразу знала, никакого литературного влияния я не было – и я вас через месяц, день в день, час в час – получила. О, он очень старался вас отстоять, то есть вашего духовного отца изобличить, он даже пытался представить Наполеона как писателя, ссылаясь на его воззвание в солдатам: “Солдаты, с этих пирамид сорок веков смотрят на вас...”» (4, «Живое о живом», с. 813).

Сама Марина Ивановна следующим образом описывает своих кумиров, так или иначе повлиявших на нее (2, с. 3): «Главенствующее влияние – матери (музыка, природа, стихи, Германия, страсть к еврейству. Один против всех. Негоіса). Более скрытое, но не менее сильное влияние отца. Слитое влияние отца и матери – спартанство. /.../ 13, 14, 15 лет – народовольчество, сборники “Знания”, Донская речь, Политическая экономия Железнова, стихи Тарасова, 16 лет – разрыв с идейностью, любовь к Сарре Бернар (“Орленок”), взрыв бонапартизма, с 16 лет по 18 лет – Наполеон (Виктор Гюго, Беранже, Фредерик Массон, Тьер, мемуары, Культ). Французские и германские поэты. /.../ Последовательность любимых книг (каждая дает эпоху): Ундина (раннее детство), Гауф-Лихтенштейн (отрочество), Aigon Ростана (ранняя юность). Позже и поныне: Гейне – Гёте – Гёльдерин. Русские прозаики – говорю от своего нынешнего лица – Лесков и Аксаков. Из современников – Пастернак, Рильке, Р. Роллан. Русские поэты – Державин и

Некрасов. Наилюбимейшие стихи в детстве – пушкинское “К морю” и лермонтовский “Жаркий ключ”. Дважды – “Лесной царь” и Erlkonig. Пушкинских “Цыган” с 7 лет по нынешний день – до страсти. “Евгения Онегина” не любила никогда. Любимые книги в мире, те, с которыми сожгут: “Нибелунги”, “Илиада”, “Слово о полку Игореве”. Любимые страны – Древняя Греция и Германия. /.../ Ни к какому поэтическому и политическому направлению не принадлежала и не принадлежу. В Москве, по чисто бытовым причинам, состояла членом Союза писателей и, кажется, поэтов...».

Так Марина Цветаева описала главенствующие мировые влияния на нее саму и ее творчество, заполняя анкету в апреле 1926 года.

Сама Марина Ивановна впоследствии неоднократно повторяла, что не знает литературных влияний, знает человеческие.

2. Революционные идеи

Три года семья Марины Цветаевой жила за границей: 1902-1905. Слабое здоровье матери, Марии Александровны, не позволяло им вернуться в Россию. Сестры по мере возможности оставались с матерью, отец Марины Цветаевой, Иван Владимирович, иногда совершал рабочие поездки. В Италии, в Нерви, Марина Цветаева, в 10 лет, впервые столкнулась с революционными идеями.

Позже, в 1926 году они напишет в своей автобиографии: «Первая встреча с Революцией – в 1902-03 г. (эмигранты), вторая в 1905-06 г. (Ялта, эсеры). Третьей не было» (2, с. 3). Но тогда, в 1902 году, будучи еще юной, рвущейся совершать подвиги, воевать, противостоять общепринятому, Марина всецело поглощена революционными идеями (5, с. 32).

В 1905 году врачи признали, что не в силах дальше бороться с болезнью Марии Александровны, у которой периодически возобновлялись приступы чахотки, и посоветовали ей сменить климат и переехать на какое-то время в Крым. Таким образом, семья возвращается обратно в Россию. Цветаевы решили поселиться в Ялте. Анастасия Цветаева относит время возвращения на родину к концу августа – началу сентября. По пути в Ялту семья на несколько дней останавливается в Севастополе, поскольку Марии Александровне стало хуже. Анастасия Ивановна вспоминает запах моря в городе, что так сильно ей напоминало Нерви, а вместе с тем и радостные моменты. За эти несколько дней что они там находились, сестры успели впитать в себя героическую историю и

атмосферу города, им хорошо запомнились прогулки с отцом к Графской пристани, ее мраморную лестницу, белоснежные колонны и сидящих внизу львов. Также Иван Владимирович успел показать девочкам Панораму – ожившую в деталях историю обороны Севастополя во времена Крымской войны. Находясь еще в спокойном городе, Марина и Ася не подозревают, что уже в ближайшее время настоящая революция докатится до этих с виду спокойных мест, что война с Японией проиграна, что по стране уже гремит гул беспорядков.

Точная дата прибытия семьи в Ялту неизвестна. «Была осень, дули ветра». В то время между Ялтой и Севастополем не было железнодорожного сообщения, поэтому, было два варианта: или на лошадях через горы, или морем. Семья Цветаевых предпочла пароход. Марину, страдавшую от морской болезни, укачивало на протяжении всего путешествия (5, с. 38-44).

Анастасия Цветаева напишет в своих воспоминаниях: «Море до Ялты так качало наш пароход, что мы обе измучились. Маруся выражала свое отношение к качке – непрерывно. Я крепилась долго, но – сдалась» (11, с. 185). Позже, в 1909 году Марина Цветаева на пасхальные каникулы с группой соучениц по гимназии М. Г. Брюхоненко совершила поездку в Крым. Эту поездку описала одна из ее участниц, Т. Н. Астапова (12, с. 98). В письме к В. И. Цветаевой Марина напишет: «Милая Валечка. Если бы ты знала, как хорошо в Ялте! Я ничего не читаю и целый день на воздухе, то у моря, то в горах. Фиалок здесь масса, мы рвем их на каждом шагу. Переезд морем из Севастополя в Ялту был ужасный: качало и закачивало всех /.../» (7, с. 31).

Итак, по приезде в Ялту в 1905 году семья сначала остановилась в гостинице «Квисисана» в пригороде Ялты – Заречье. Здесь Марина познакомилась с дочерью хозяина гостиницы – Верой, которая себя считала революционеркой. В то время, когда Ася играла с младшими дочерьми хозяина-врача, Марина пропадала в комнате Веры, где также иногда появлялись и другие подозрительные личности. В своих воспоминаниях Анастасия Цветаева предполагает, что именно знакомство Марины с этой опасной компанией, в столь беспокойное время, послужило скорому их переезду в другое место.

Новая квартира находилась на Дарсановской горе, дом принадлежал родственнику Ивана Владимировича, С. Я. Елпатьевскому. На верхнем этаже этого же дома жила семья Никоновых, которые, якобы, устраивали нелегальные собрания. Марине туда ходить запрещалось. Но всё же, когда Иван Владимирович был в отъезде, все проживающие в доме собирались за общим столом и обсуждали всех волнующие темы, поднимали политические вопросы в беседах. Все это, безусловно, волновало и

юную Марину, которая, постепенно узнавая о революционных событиях, становилась их явной сторонницей.

3. Исторический контекст

Причиной Первой русской революции послужили многочисленные нарушения прав рабочих, земельный голод, неудовлетворенность существующим уровнем гражданских свобод, деятельность либеральных и социалистических партий, абсолютная власть императора и др. Окончательным толчком к массовым выступлениям стало «Кровавое воскресенье» (9 (22) января 1905 г.). Столицу и другие крупные города охватывают забастовки, перестают работать железнодорожники, органы печати работают с перебоями. К стачечному движению присоединилась армия и флот, недовольные монархией. В Севастополе началось восстание под руководством лейтенанта Шмидта, служившего офицером на броненосце «Потемкин». В итоге, Шмидт был расстрелян 6 марта 1906 года, а восстание подавлено.

17 октября 1905 года царь издает Манифест о даровании гражданских свобод, неприкосновенности личности, слова, собраний, союзов. Также был учрежден Парламент, состоящий из Государственного Совета и Государственной Думы. Тем не менее, в Москве начались уличные бои, которые продолжались с 8 декабря до 2 января 1906 года.

Официально концом революции принято считать 3 (16) июня 1907 года, когда началась реакция – «Третьеиюньский переворот».

Аграрный вопрос страны так и не был решен, по-прежнему оставалось социальное напряжение, которое позже вылилось в Октябрьскую революцию¹.

В Москве, недалеко от дома Цветаевых в Трехпрудном переулке, были построены баррикады. На Пресне сражалась Е. П. Эфрон-Дурново, мать будущего мужа Марины Ивановны, которую после подавления восстания выслали из страны. В своем письме к П. И. Юркевичу Цветаева напишет в 1908 году: «Иногда, очень часто даже, совсем хочется уйти из жизни – ведь все то же самое. Единственное, ради чего стоит жить – революция. Именно возможность близкой революции удерживает меня от самоубийства. Подумайте: флаги, Похоронный марш, толпа, смелые лица – какая великолепная картина».

Об увлечении Цветаевой революцией в детские и отроческие годы рассказано ее младшей сестрой (11, с. 203-205). О «революционности» юной Цветаевой писали также

ее гимназические подруги, например, В. К. Генерозова: «Преклоняясь перед борцами революции, Марина мечтала и сама принимать участие в борьбе за свободу и светлое будущее людей. Марина старалась и меня познакомить с революционным движением, снабжая меня запрещенными в то время книгами» (11, с. 237), (7, с. 18, 27).

В письме к В. В. Розанову 1914 года Цветаева напишет: «С 14-ти до 16-ти лет я бредила революцией» (7, с. 124).

«Маруся ходила меж нас, детей, как ходит раненый зверь. Озираясь, таясь. События прошедшей зимы... вошли в нее ранами. Закусив губы, со свойственной ей в случаях увлечения или страдания мало сказать “замкнутостью”, она сторонилась всех движением затравленного. Брезгливо и гневно она подозревала всех, особенно близких, – маму, меня, и тех, кто садились с нами за стол... в желании вмешаться в ее мучения о героях, кумирах, в ее страсть к революции, к ее будущему... После вести о суде над лейтенантом Шмидтом и о его казни Маруся замкнулась в себе, таила от старших свою потрясенную горем душу. Это была рана. Она не позволяла касаться к ней» (10, с. 217, 227).

Мать Марины Цветаевой не разделяла ее политических взглядов, она была приверженкой «кадетов», предпочитала конституционную монархию. Марине приходилось утаивать от родственников свои стихи, посвященные революции, которые, к сожалению, не сохранились и никогда не были опубликованы. Сохранилось одно стихотворение того времени, которое Анастасия Цветаева цитирует в своей книге по памяти:

Не смейтесь вы над юным поколеньем!

Вы не поймете никогда,

Как можно жить одним стремленьем,

Лишь жаждой воли и добра...

Вы не поймете, как пылает

Отвагой бранной грудь бойца,

Как свято отрок умирает,

Девизу верный до конца!

Так не зовите их домой

И не мешайте их стремленьям, –

Ведь каждый из бойцов – герой!

Гордитесь юным поколеньем! (10, с. 126-127).

Тем не менее, наравне с активной политической жизнью, сестры Цветаевы не забывали и об учебе, наслаждались свободой и юностью. Вот как Марина описала свою жизнь в Ялте в письме А. А. Иловойской от 8 января 1906 года: «Живем мы в Ялте ничего себе, учимся, ожидаем письма из Москвы всегда с большим нетерпением. Мы готовимся в мае держать экзамен; Ася во второй, а я в четвертый класс и должны много учиться. Я должна пройти программу первых трех классов в эту зиму, Ася проходит программу первого. Погода у нас очень хорошая, так тепло, что ходим в сад только в платьях. Но всё же, как ни хороша ялтинская погода и природа, сама она, Ялта препротивная и мы только и думаем, как бы поскорей в Москву» (7, с. 16).

В Ялте у сестер Цветаевых появляются новые знакомые. Ася дружит с детьми Максима Горького – Максимом и Катей Пешковыми, которые приехали с мамой, Екатериной Павловной Пешковой, после того как ее знаменитый муж ушел от нее к Андреевой. Аси в значительно меньшей мере каснулись все революционные события, она была еще совсем ребенком. Знакомство с Горьким, которое состоялось этой зимой, имело свои результаты в будущем. Хотя он и презирал искусство Марины, но до самого конца пытался помочь и защитить Анастасию.

В начале лета 1906 года Марина и Ася успешно сдали экзамены при женской гимназии в Ялте. Мать Марины переживала, что за уроками дочка совсем перестанет играть на рояле. В последнее время самочувствие Марии Александровны ухудшилось, врачи настроены пессимистически, и она сама предчувствует скорый конец. Недавно вернувшийся Иван Владимирович собирается перевезти Марию Александровну в Тарусу. Они незамедлительно выезжают. На этот раз они едут в Севастополь на лошадях, потом на поезде, потом снова на лошадях.

Летом 1906 года Мария Александровна умерла от чахотки в Тарусе.

II

Москва. Первый сборник стихов

В Москве Марина сменила три гимназии. По воспоминаниям ее одноклассниц, она сидела на задних партах и писала стихи. С 1908 года Марина Ивановна собирает стихи для своего первого сборника. В сентябре 1910 года, никому предварительно не сказав, она относит свой «Вечерний альбом» в типографию А. И. Мамонтова и платит за печатание пятисот экземпляров. Примерно через месяц сборник вышел в свет (8, с. 21).

В то время в России появлялось много молодых поэтов и писателей, более или менее талантливых. Культурная жизнь протекала интенсивно, существовало сразу два культурных центра: Петербург и Москва, между которыми непрестанно происходили соревнования. Большие успехи были достигнуты не только в литературе, но и в музыке, изобразительном искусстве, театре, балете. Недаром первые десятилетия XX века называются «серебряным веком». Выдающиеся и талантливые люди были щедро спонсированы меценатами и частными лицами, вокруг которых формировалась творческая интеллигенция (5, с. 71).

Несмотря на молодость начинающего поэта (Марине было всего 17 лет, когда она отдала в печать свой сборник), на нее обратили внимание и откликнулись влиятельные в литературных кругах люди.

4 декабря Марина посылает «Вечерний альбом» Валерию Брюсову, чтобы узнать его мнение. На последней странице он написал: «Хорошая школа. Но все немного пресно. Слишком много приторных умилений». Однако, в своей статье «Стихи 1911 года» (6) Брюсов более подробно прокомментировал сборник: «Не боясь вводить в поэзию повседневность, она берет непосредственно черты жизни, и это придает ее стихам жуткую интимность. Когда читаешь ее книгу, минутами становится неловко, словно заглянул нескромно через полузакрытое окно в чужую квартиру и подсмотрел сцену, видеть которую не должны бы посторонние... /.../ Мы будем также думать, что поэт найдет в своей душе чувства более острые, чем те милые пустяки, которые занимают так много места в “Вечернем альбоме” /.../».

Но, несмотря на столь расплывчатый и высокомерный отзыв, Марина Ивановна понимает, что самое главное – оставаться всегда собой. Позже она об этом скажет: «Единственная обязанность на земле человека – правда всего существа».

Еще до рецензии Брюсова, Марина посылает свой сборник в издательство «Мусагет». Туда ее привел Эллис, друг и поэт (гораздо позже, в воспоминаниях, Марина скажет, что это был Волошин). В издательстве она знакомится с символистами, периодически посещает их собрания, лекции. Не имея к символизму никакого отношения, она за ними наблюдает как бы со стороны, рисует себе четкие портреты его главных представителей (в первую очередь, Андрея Белого) (8, с. 21-30).

1. Знакомство с Максимилианом Волошиным

На очередном собрании в «Мусагете», 1-го декабря, присутствует и Максимилиан Волошин. Марина Ивановна ему приподносит в подарок «Вечерний альбом» с надписью: «Максимилиану Александровичу Волошину с благодарностью за прекрасное чтение о Willier de l'Isle Adam».

С этой московской встречи начинается продолжительная и искренняя дружба Марины Цветаевой с Максом Волошиным.

Уже через десять дней (11 декабря 1910 года) в журнале «Утро России» появится статья Максимилиана Волошина «Женская поэзия» (в 1977 году эта рецензия была вновь опубликована Ирмой Кудровой в журнале «Новый мир»), которая, как видно сразу, большей своей частью посвящена поэзии Цветаевой:

«Это очень юная и неопытная книга – “Вечерний альбом”. Многие стихи, если их раскрыть случайно, посреди книги, могут вызвать улыбку. Ее нужно читать подряд, как дневник, и тогда каждая строчка будет понятна и уместна. Она вся на грани последних дней детства и первой юности. Если же прибавить, что ее автор владеет не только стихом, но и четкой внешностью внутреннего наблюдения, импрессионистической способностью закреплять текущий миг, то это укажет, какую документальную важность представляет эта книга, принесенная из тех лет, когда обычно слово еще недостаточно послушно, чтобы верно передать наблюдение и чувство:

Ах, этот мир и счастье быть на свете

Еще не взрослый передаст ли стих?

Но эти опасения неверны. “Невзрослый” стих М. Цветаевой, иногда не уверенный в себе и ломающийся, как детский голос, умеет передать оттенки, не доступные стиху

более взрослому. Чувствуешь, что этому невзрослому стиху доступно многое, о чем нам, взрослым, мечтать нечего. /.../

“Вечерний альбом” это – прекрасная и непосредственная книга, исполненная истинно женским обаянием»².

«Этими словами Волошин выразил то, что нас так пленит и через 60 лет после выхода в свет первых двух сборников Цветаевой, но тогда этого никто не понимал. Меньше всего сама Марина. Она продолжала ходить в 7-й класс гимназии Брюхоненко, куда осенью поступила и Ася. Но ни учителя, ни ученицы ни слова не говорили о книге Марины; дома также о ней молчали. Иван Владимирович был занят другими заботами: теперь он все свои силы сосредоточил на окончательном воплощении своего творения – Музея Изыщных Искусств им. Александра III. Возможно, что он действительно ничего не знал о литературной активности своей дочери. К тому же уход Толстого из Ясной Поляны 28 октября, и смерть его 7 ноября на маленькой железнодорожной станции вытеснили из умов все другие литературные сенсации. Марина и Ася, как и многие другие, хотели проститься с великим почившим писателем; ночью, в темноте и тумане, они сбежали из дома, ухитрились, с большими приключениями, добраться до Ясной Поляны и присутствовали на похоронах Толстого» (5, с. 75).

Итак, в декабре, вскоре после знакомства, между Мариной и Максом начинается переписка. Она интересна не только в смысле описания быта и насущных проблем, в ней Марина продолжает быть поэтом (хотя и в прозе). В письмах Цветаевой к Волошину можно прочитать о ее глубочайших духовных переживаниях, о радостях, философских размышлениях юного поэта.

В письме к Волошину от 23 декабря 1910 года, Марина его благодарит за теплый отзыв о ее книге и приглашает к себе в гости: «Многоуважаемый Максимилиан Александрович! Примите мою искреннюю благодарность за Ваши искренние слова о моей книге. Вы подошли к ней как к жизни, и простили жизни то, чего не прощают литературе. Благодарю за стихи. Если Вы не боитесь замерзнуть, приходите в старый дом со ставнями. Только предупредите, пожалуйста, заранее» (7, с. 39).

Под впечатлением полученного еще 1 декабря и прочитанного «Вечернего альбома», Волошин на следующий день (2-го декабря) пишет посвященное Марине стихотворение. Впервые оно было по памяти процитировано Мариной в своем очерке «Живое о живом»:

*К вам душа так радостно влекома!
О, какая веет благодать
От страниц Вечернего Альбома!
(Почему альбом, а не тетрадь?)
Отчего скрывает чепчик черный
Чистый лоб, а на глазах очки?
Я отметил только взгляд покорный
И младенческий овал щеки.
Я лежу сегодня – невралгия,
Боль, как тихая виолончель...
Ваших слов касания благие
И стихи, крылатый взмах качель,
Убаюкивают боль: скитальцы,
Мы живем для трепета тоски...
Чьи прохладно-ласковые пальцы
В темноте мне трогают виски?
Ваша книга – это весть оттуда,
Утренняя благостная весть.
Я давно уж не приемлю чуда,
Но как сладко слышать: чудо – есть!*

...Разрываясь от восторга (первые хорошие стихи за жизнь, посвящали много, но плохие) и только с большим трудом забирая в себя улыбку, – домашним, конечно, ни слова! – к концу дня иду к своей единственной приятельнице, старшей меня на двадцать лет и которой я уже, естественно, рассказала первую встречу. Еще в передней молча протягиваю стихи...» (4, «Живое о живом», с. 813).

Именно с этого волошинского стихотворения начинается целая череда взаимных посвящений, которая позже выльется в целые циклы. Так, 3 декабря Максимилиан Волошин пишет еще одно стихотворение, посвящая его, судя по всему, Марине:

*Раскрыв ладонь, плечо склонила...
Я не видал еще лица,
Но я уж знал, какая сила
В чертах Венерина кольца...*

*И раздвоенье линий воли
Сказало мне, что ты как я.
Что мы в кольце одной неволи –
В двойном потоке бытия.*

*И если суждены нам встречи
(Быть может, топоты погонь),
Я полюблю не взгляд, не речи,
А только бледную ладонь³.*

Было и еще несколько рецензий, относительно благоприятных. О новом сборнике Марины отозвались М. Цетлин, М. Шагинян. Николай Гумилев так характеризовал новую книгу в своих «Письмах о русской поэзии» (Аполлон. 1911. № 5. С. 78): «Марина Цветаева (книга “Вечерний альбом”) внутренне талантлива, внутренне своеобразна. Пусть ее книга посвящается «блестящей памяти Марии Башкирцевой», эпитафия взят из Ростана, слово “мама” почти не сходит со страниц. Все это наводит только на мысль о юности поэтессы, что и подтверждается ее собственными строчками-признаниями. Многое ново в этой книге: нова смелая (иногда чрезмерно) интимность; новы темы, напр. детская влюбленность; ново непосредственное, бездумное ликование пустяками жизни. И, как и надо было думать, здесь инстинктивно угаданы все главнейшие законы поэзии, так что эта книга не только милая книга девических признаний, но и книга прекрасных стихов /.../»⁴.

Тем не менее, никому так точно как Волошину не удалось прочувствовать книгу Марины Ивановны, ее неоспоримый вес в современной поэзии, свежесть тем и непосредственность чувств. Так, дружба их все укреплялась. Предположительно, в конце декабря Волошин знакомит Цветаеву со своим другом, поэтессой и писательницей, Аделаидой Герцык, а также ее сестрой, Евгенией. С того времени сестры Герцык стали верными подругами сестер Цветаевых. Стихи Аделаиды вышли в этом же, 1910 году.

Она уже немолода, тогда ей было 40 лет, стихотворения ее, звучащие спокойно, размеренно, глубоко, были так непохожи на творчество юной Марины.

Вероятно, и с А. Н. Толстым Цветаеву познакомил Волошин. В январе 1911 года Толстой, живший в Петербурге, приезжал в Москву; 28 января Марина Ивановна подписала ему свою книгу «Вечерний альбом»: «Графу Алексею Н. Толстому с благодарностью за книгу. Марина Цветаева. Москва, 28 января, 1911 г.

*Я ж гляжу на дно ручья,
Я пою и я ничья» (8, с. 24).*

Именно тогда, в 1910 году, знакомство с умным, опытным, образованным человеком, было так необходимо молодому поэту. Волошин своим восторженным и объективно-правдивым отзывом о первой книге Марины, сразу укрепил в ней веру в себя, дал ей опору, так необходимую для начинающего поэта. Дружба взрослого, интеллигентного человека, поначалу в ней вызывала недоумение: как он может интересоваться и жить всем тем, чем жила она тогда, семнадцатилетняя? Марина к нему подбиралась осторожно, боясь в чем-либо разочароваться, обмануться в его к ней отношении. Очень точно такие свои чувства она выразила в своем к Максиму стихотворении, написанном 27-го декабря 1910 года и приложенным к письму этого же дня:

*Безнадежно-взрослый Вы? О, нет!
Вы дитя и Вам нужны игрушки,
Потому я и боюсь ловушки,
Потому и сдержан мой привет.
Безнадежно-взрослый Вы? О, нет!*

*Вы дитя, а дети так жестоки:
С бедной куклы рвут, шутя, парик,
Вечно лгут и дразнят каждый миг,
В детях рай, но в детях все пороки, –
Потому надменны эти строки.*

*Кто из них доволен дележом?
Кто из них не плачет после елки?
Их слова неумолимо-колки,
В них огонь, зажженный мятежом.
Кто из них доволен дележом?*

*Есть, о да, иные дети – тайны,
Темный мир глядит из темных глаз.*

*Но они отшельники меж нас,
Их шаги по улицам случайны.
Вы – дитя. Но все ли дети – тайны?! (4, с. 35)*

Новая дружба полностью поглощает Марину Ивановну, которая в последнее время так сильно ощущает одиночество, дарит ей удивительного человека, с которым она как с ровней может говорить о литературе, о своих любимых писателях и их произведениях. Вспоминая тот день, когда Волошин впервые пришел к ней домой, в Трехпрудный переулок, Марина в своем очерке «Живое о живом» воспроизводит их диалог: «...Под дозором этих глаз, я тогда очень дикая, еще дичаю, не молчу, а не смолкаю: сплошь – личное, сплошь – лишнее: о Наполеоне, любимом с детства, о Наполеоне II, с Ростановского “Aiglon” (фр. “Орленок”), о Саре Бернар, к которой год назад сорвалась в Париж, которой там не застала и кроме которой там все-таки ничего не видела, о том Париже – с N majuscule повсюду – с заглавным N на взлобьях зданий – о Его Париже, о моем Париже.

Улыбаясь губами, а глазами сверля, слушает, изредка, в перерывы моего дыхания, вставляя:

– А Бодлера вы никогда не любили? А Артюра Рембо – вы знаете?

– Знаю, не любила, никогда не буду любить, люблю только Ростана и Наполеона I и Наполеона II – и какое горе, что я не мужчина и не тогда жила, чтобы пойти с Первым на св. Елену и с Вторым в Шенбрунн. /.../

Вкрадчивый голос:

– А Франси Жамма вы никогда не читали? А Клоделя вы... В ответ самоутверждаюсь, то есть утверждаю свою любовь к совсем не Франси Жамму и Клоделю, а – к Ростану, к Ростану, к Ростану. /.../

Слушает истово, теперь вижу, что меня, а не Ростана, мое семнадцатилетнее во всей чистоте его самосожжения – не оспаривает – только от времени до времени – робко:
– А Анри де Ренье вы не читали – “La double maitresse” (фр. “Дважды любовница”)? А Стефана Малларме вы не...». /.../ Не только я ни романов Анри де Ренье, ни драм Клоделя, ни стихов Франси Жамма тогда не приняла, а пришлось ему, на двадцатилетие старшему, матерому, бывалому, проваливаться со мной в бессмертное младенчество от Виктора Гюго и в мое брненное собственное и бродить со мною рука об руку по пяти томам Бальзамо, шести Мизераблей и еще шести Консуэлы и Графини Рудольштадт Жорж Занд. Что он и делал – с неизбывным терпением и выносливостью, и с только,

иногда, очень тяжелыми вздохами, как только собаки и очень тучные люди вздыхают: вздохом всего тела и всей души» (4, «Живое о живом», с. 802-803).

Чуть позже в своей переписке Максимилиан Александрович и Марина Ивановна уже страстно, жадно обмениваются советами, какие именно книги прочитать, где их достать, своими о них впечатлениями:

«Я только что начала разрезать “La Canne de Jaspe” (фр. “Яшмовая трость”), когда мне передали Ваше письмо. Ваша книга – всё, что мы любим, наше – очаровательна. Я буду читать ее сегодня целую ночь. Ни у Готье, ни у Вольфа не оказалось Швоба. Я даже рада этому: любить двух писателей зараз – невозможно. Будьте хорошим: достаньте Генриха Манна. Если хотите блестящего, фантастического, волшебного Манна, – читайте “Богини”, интимного и страшно мне близкого – “Голос крови”. /.../ Я в настоящую минуту перечитываю “В погоне за любовью”. Она у меня есть по-русски, т. е. я могу ее достать. /.../ У Бодлера есть строка, написанная о Вас, для Вас: “L'univers est égal á son vaste appétit” (фр. “Вселенная равна своему огромному аппетиту”). Вы – воплощенная жадность жизни» (7, с. 40-41).

Постепенно Марина все больше открывается, раскрепощается в своей переписке с Максом, вкладывает в каждое письмо частичку души:

«Если Ваша взрослость действительно не безнадежна, Вы простите мне мою рассеянность и придете 4-го января 1911 г., к 5 часам, как назначили. Так говорить – вежливо, длинно и прозой – мое великодушие. А так скажет – менее вежливо, короче и стихами – моя справедливость:

Кто виноват? Ошиблись оба...

Прости и ты, как я простила!

(30 декабря 1910 года)» (7, с. 40).

«Среди многих оригиналов того времени Волошин занимал видное место; мемуары всех его современников говорят о нем. В молодости Волошин провел несколько лет в Париже и навсегда остался почитателем французской культуры. Вернувшись в Россию, он стал сотрудником “Аполлона”. По большей части он жил с матерью в своем доме в Коктебеле. Он писал стихи, переводил современную французскую литературу, а также занимался живописью. Он всегда и безгранично готов был помогать всем, а особенно поэтессам. В культурных сферах России он был знаком со всеми, и его влияние было огромно.

Большой заслугой Волошина было то, что он оценил талант молодой Цветаевой и решил содействовать его развитию. С большим терпением – хотя и безуспешно – он старался оторвать ее от Ростана и Наполеона и привести к Бодлэру, Рэмбо и Клоделю. Наконец, он начал ей дарить книги Жорж Санд и Виктора Гюго, которые больше соответствовали ее вкусу. Для того, чтобы побороть “застенчивость и дикость” Марины, он обратился за помощью к престарелой полуглухой писательнице Аделаиде Герцык. /.../ Именно Волошин ввел Марину в издательство “Мусагет” и тем самым оторвал ее от одиночества в “тихом царстве любимых теней”» (5, с. 77).

На протяжении января Макс продолжает навещать дом Цветаевой, между двумя поэтами возникает полное взаимопонимание, Волошин не относится к Марине как к восемнадцатилетней, скорее сам становится немного ребенком рядом с ней. Он дарит, или посылает Марине свои любимые книги, всякие бытовые мелочи: «Благодарю Вас за книги, картину, Ваши терпеливые ответы и жалею, что Вы так скоро ушли. Благодарю еще за кусочек мирты, – буду жечь его, несмотря на упрямство спички: у меня внизу затопят печку. Сейчас Вы идете по морозной улице, видите людей и совсем другой. А я еще в прошлом мгновении. /.../ Привет и благодарность» (10 января 1911 года); «Благодарю Вас, Максимилиан Александрович, за письмо и книги. Приходите» (28 января 1911 года) (7, с. 42-43).

Однажды между Волошиным и Мариной произошло недоразумение, которое чуть было не привело к окончанию дружбы. А получилось это из-за книги. Об этом инциденте очень подробно Марина напишет в «Живое о живом»: «Через день: бандероль, вскрываю: Henri de Regnier, “Les rencontres de Monsieur de Breot” (фр. Анри де Ренье, “Встречи господина де Брэо”). /.../ (начав читать) В негодовании захопываю книгу. Эту – дрянь, эту – мерзость – мне? С книгой в руках и с неизъяснимым чувством брезгливости к этим рукам за то, что такую дрянь держат, иду к своей приятельнице. /.../ Вскокивает, верней, выскакивает, как ожженная.

– Милый друг, это просто – порнография! (Пауза.) За это, собственно, следовало бы сослать в Сибирь, а этого... поэта, во всяком случае, ни в коем случае, не пускайте через порог! (Пауза.) Нечего сказать – маркизы! Вы видите, как я была права! Милый друг, выбросьте эту ужасную книгу, а самого его, с этими (брезгливо) холодными висками... спустите с лестницы! Я вам говорю, как мать, и это же бы вам сказал ваш отец – если бы знал... Бедный Иван Владимирович!

Тотчас же садитесь и пишите: «Милостивый государь» – нет, какой же он государь! – просто без обращения: Москва, число. – После происшедшего между нами –

нет, не надо между нами, а то он еще будет хвастаться – тогда так: «Ставлю вас в известность, что после нанесенного мне оскорбления в виде присланного мне порнографического французского романа вы навсегда лишились права преступить порог моего дома. Подпись». Все.

– По-моему – слишком торжественно. Он будет смеяться. И я совсем не хочу, чтобы он больше ко мне никогда не пришел.

– Ну, как знаете, но предупреждаю вас, что: те стихи, эта книга – а третье будет... словом, он поведет себя как тот Monsieur – как его? – в том... нечего сказать! – гроте.

Мое письмо вышло проще, но не кротче. «Совершенно не понимаю, как вы, зная книги, которые я люблю, решились прислать мне такую мерзость, которую вам тут же, без благодарности, возвращаю».

На следующий день – явление самого Макса, с большим пакетом под мышкой.

– Вы очень на меня сердитесь?

– Да, я очень на вас сердилась.

– Я не знал, что вам не понравится, вернее, я не знал, что вам понравится, вернее, я так и знал, что вам не понравится – а теперь я знаю, что вам понравится.

И книга за книгой – все пять томов Жозефа Бальзама Дюма, которого, прибавлю, люблю по нынешний день, а перечитывала всего только прошлой зимой – все пять томов, ни страницы не пропустив. На этот раз Макс знал, что мне понравится. Выкладывая пятый том:

– Марина Ивановна! Как хорошо, что вы не так пишете, как те, кого вы любите!

– Максимилиан Александрович! Как хорошо, что вы не так себя ведете, как герои тех книг, которые вы любите!

Чтобы не оставлять ни тени на безупречном друге стольких женских душ и бескорыстном созерцателе, а когда и строителе стольких судеб, чтобы не оставлять ни пятнышка на том солнце, которым был и есть для меня Макс, установлю, что вопреки опасениям моей заботливой и опытной в поэтах приятельницы – здесь и тени не было “развращения малолетних”. Дело несравненно проще и чище. Макс всегда был под ударом какого-нибудь писателя, с которым уже тогда, живым или мертвым, ни на миг не расставался и которого внушал – всем. В данный час его жизни этим живым или мертвым был Анри де Ренье, которого он мне с первой встречи и подарил – как самое дорогое, очередное самое дорогое. Не вышло. /.../ Первое недоразумение оказалось последним, ибо первый же том Мемуаров Казановы, с первой же: открывшейся страницы, был ему возвращен без всякой обиды, а просто:

– Спасибо: гроты, вроде твоего маркиза, возьми, пожалуйста, – в чем меня очень поддержала мать Максимилиана Волошина, Елена Оттобальдовна.

«В семнадцать лет – Мемуары Казановы, Макс, ты просто дурак!» – «Но, мама, эпоха та же, что в Жозефе Бальзамо и в Консуэле, которые ей так нравятся... Мне казалось...» – «Тебе казалось, а ей не показалось. Ни одной порядочной девушке в семнадцать лет не могут показаться Мемуары Казановы!» – «Но сам Казанова, мама, нравился каждой семнадцатилетней девушке!» – «Дурам, а Марина умная, итальянкам, а Марина – русская. А теперь, Макс, точка» (4, «Живое о живом», с. 805).

14-го января 1911 года Марина Ивановна пишет Волошину, скорее посылает ответное стихотворение на злосчастную книгу Анри де Ренье: «После чтения “Les rencontres de M. de Breot” Regnier (фр. “Встречи господина де Брео” Ренье).

Облачко бело и мне в облака

Стыдно глядеть вечерами.

О, почему за дарами

К Вам потянулась рука?

Не выдает заколдованный лес

Ласковой тайны мне снова.

О, почему у земного

Я попросила чудес?

Чьи-то обиженно-строги черты

И укоряют в измене.

О, почему не у тени

Я попросила мечты?

Вижу, опять улыбнулось слегка

Нежное личико в раме.

О, почему за дарами

К Вам потянулась рука?»⁵.

В переписке у Марины и Волошина наступает небольшая пауза. Письмо от конца января 1911 года несколько объясняет такое молчание: «Милый Максимилиан

Александрович, Лидия Александровна (Л. А. Тамбурер) и мы все страшно огорчены происшедшим недоразумением. Все это произошло без меня, я только что об этом узнала. Шутливая форма обращения к Вам доказывает только ее хорошее отношение к Вам. Я сама ничего не понимаю. МЦ»⁶.

В следующий, восьмой класс гимназии, Марина решила экзамены не держать и прекратила занятия. В начале апреля она планирует уехать в Крым, в Гурзуф, а оттуда – в Коктебель, в гости к Максимилиану Александровичу, по его приглашению. Но он сам еще на какое-то время должен остаться в Москве. Марина ему пишет: «Напишите мне, пожалуйста, когда придете. В пятницу или субботу я уезжаю надолго. Приходите, если хотите и можете, завтра или в среду или в четверг, – только сообщите заранее, когда? Вызовите... Впрочем лучше напишите. Если же Вы эти вечера и сумерки заняты, мне остается только пожелать Вам доброй весны» (28 марта 1911); «До свидания (с граммофоном) в Коктебеле» (1 апреля 1911) (7, с. 44).

Еще в середине марта Марина посвящает Волошину новое стихотворение, посланное в письме:

*«Одному из кошачьей породы
Они приходят к нам, когда
У нас в глазах не видно боли,
Но боль пришла, – их нету боле, –
В кошачьем сердце нет стыда!*

*Смешно, не правда ли, поэт,
Их обучать домашней роли.
Они бегут от рабской доли, –
В кошачьем сердце рабства нет!*

*Как ни мани, как ни зови,
Как ни балуй в уютной доле,
Единый миг, – они на воле,
В кошачьем сердце нет любви!»⁷.*

III

Крым 1911 года

1. Гурзуф

Итак, Марина Ивановна уезжает на юг, в Гурзуф. Как нетрудно заметить из ее писем к Максиму того периода, она ощущает одиночество, целиком уходит в свои любимые книги. В Гурзуфе она практически одна, людей там, тем более с кем можно было бы хоть о чем-нибудь поговорить, крайне мало. А если и разговорится с кем-нибудь, то ей быстро становится скучно. Но, несмотря на такое свое флегматичное состояние, она отправляет несколько писем Волошину, в которых читается ее настроение, плавный тон и философские размышления:

«Многоуважаемый Максимилиан Александрович, я смотрю на море – издалека и вблизи, опускаю в него руки – но все оно не мое, я не его. Раствориться и слиться нельзя. Сделать волной? Но не буду ли я любить его тогда? Остаться человеком (или “получеловеком”, все равно!) – вечно тосковать, вечно стоять на рубеже. Должно, должно же существовать более тесное *ineinander* (нем. слияние). Но я его не знаю! Цветет абрикосовое дерево, море синее, со мной книги... Читаю сейчас Jean Paul’a “*Flegeljahre*” (нем. Жан Поль. “Озорные годы”) – бесконечно очаровательную, грустно-насмешливую, неподдельно романтическую книгу. Наша дача – “моя” звучит слишком самоуверенно – над самым морем, к которому ведет бесчисленное множество лестниц без перил и почти без ступенек. Высота головокружительная. Приходится все время подбадривать себя строчкой из Бальмонта, заменяя слово “солнце” словом “море”:

“Я видела море, сказала она,

Что дальше - не все ли равно?!” /.../

В надписях на скалах есть что-то или очень пошлое, или очень трогательное – я еще не решила. Когда решу, буду или очень нападать на них, или очень защищать. Если бы только они были немного поумнее! /.../ Мечтаю о купанье, но оно начинается только в мае. Может быть, это и есть самое тесное сближение с морем? Предпоследнее, конечно! Непременно напишите, что Вы об этом знаете» (6 апреля 1911 года, Гурзуф) (7, 44-45; 71).

«Деревня Гурзуф расположена амфитеатром по юго-западному склону горы, впадающей в море, и состоит из татарских домиков и саклей и более или менее устроенных дач. На вершине скалы (на земле Соловьевой, владелицы имения Суук-Су) находятся развалины старой генуэзской крепости. Ниже развалин стоит красивая дача Соловьевой...» (1). Именно на этой даче и поселилась Марина Цветаева.

Живя в Гурзуфе и находясь в несколько грустном состоянии, чувствуя одиночество и заброшенность, Марина еще не предполагает, что уже через месяц ее будут захлестывать совершенно противоположные эмоции и переживания, неведанные ею до сих пор. Уже совсем скоро во всей ее жизни произойдет кардинальный поворот. Тем временем она погружена в чтение, прогулкам по деревне, впитывая в себя морской воздух. Совершенно удивительным по своей философской глубине, взрослым размышлениям является ее второе письмо из Гурзуфа к Волошину, в котором она раскрывает всю суть своих мыслей, восприятия, свое тогдашнее настроение:

«Многоуважаемый Максимилиан Александрович, пишу Вам под музыку, – мое письмо, наверное, будет грустным. Я думаю о книгах. Как я теперь понимаю “глупых взрослых”, не дающих читать детям своих взрослых книг! Еще так недавно я возмущалась их самомнением: “дети не могут понять”, “детям это рано”, “вырастут – сами узнают”. Дети – не поймут? Дети слишком понимают! Семи лет Мцыри и Евгений Онегин гораздо вернее и глубже понимаются, чем двадцати. Не в этом дело, не в недостаточном понимании, а в слишком глубоком, слишком чутком, болезненно верном! Каждая книга – кража у собственной жизни. Чем больше читаешь, тем меньше умеешь и хочешь жить сам. Ведь это ужасно! Книги – гибель. Много читавший не может быть счастлив. Ведь счастье всегда бессознательно, счастье только бессознательность. Читать все равно, что изучать медицину и до точности знать причину каждого вздоха, каждой улыбки, это звучит сентиментально – каждой слезы. Доктор не может понять стихотворения! Или он будет плохим доктором, или он будет неискренним человеком. Естественное объяснение всего сверхъестественного должно напрашиваться ему само собой. Я сейчас чувствую себя таким доктором. Я смотрю на огни в горах и вспоминаю о керосине, я вижу грустное лицо и думаю о причине – естественной – его грусти, т. е. утомлении, голоде, дурной погоде; я слушаю музыку и вижу безразличные руки исполняющих ее, такую печальную и нездешнюю... И во всем так! Виноваты книги и еще мое глубокое недоверие к настоящей, реальной жизни. Книга и жизнь, стихотворение и то, что его вызвало, – какие несоизмеримые величины! И я так заражена этим недоверием, что вижу – начинаю видеть – одну материальную, естественную

сторону всего. Ведь это прямая дорога к скептицизму, ненавистному мне, моему врагу!
/.../

То же самое, что с морем: одиночество, одиночество, одиночество. Книги мне дали больше, чем люди. Воспоминание о человеке всегда бледнеет перед воспоминанием о книге, – я не говорю о детских воспоминаниях, нет, только о взрослых! Я мысленно все пережила, все взяла. Мое воображение всегда бежит вперед. Я раскрываю еще нераспустившиеся цветы, я грубо касаюсь самого нежного и делаю это невольно, не могу не делать! Значит, я не могу быть счастливой? Искусственно “забываться” я не хочу. У меня отвращение к таким экспериментам. Естественно – не могу из-за слишком острого взгляда вперед или назад. Остается ощущение полного одиночества, которому нет лечения. Тело другого человека – стена, она мешает видеть его душу. О, как я ненавижу эту стену! И рая я не хочу, где все блаженно и воздушно, – я так люблю лица, жесты, быт! И жизни я не хочу, где все так ясно, просто и грубо-грубо! Мои глаза и руки как бы невольно срывают покровы – такие блестящие! – со всего. /.../ Все, что я сказала Вам, – правда. Я мучаюсь и не нахожу себе места: со скалы к морю, с берега в комнату, из комнаты в магазин, из магазина в парк, из парка снова на Генуэзскую крепость – так целый день. /.../ Думаю остаться здесь до 5-го мая. Все, что я написала, для меня очень серьезно. Только не будьте мудрецом, отвечая, – если ответите! Мудрость ведь тоже из книг, а мне нужно человеческого, не книжного ответа» (18 апреля 1911 года) (7, с. 46-48).

«Этот “целый чудесный месяц одиночества” оказывается для молодой Цветаевой временем самоуглубления и размышления. Она читает Жорж Санд и Дюма и под пушкинским кипарисом размышляет о боготворимом ею поэте. Она ищет одиночества и для того, чтобы разобраться в своем отношении к В. О. Нилендеру, (которого она год назад сама отвергла и из-за чего сильно переживала, испытывала “глубокое недоверие к настоящей реальной жизни”): “От него я тогда и уехала в Коктебель, не “любить другого”, а “не любить этого”» (5, с. 82).

В своих воспоминаниях о времени, проведенном в Гурзуфе, Марине Ивановне кажется, что тогда она была счастлива, однако по ее письмам к Волошину видно, что это было не совсем так.

2. Биография Волошина

Подлинный талант часто бывает многогранен. Именно таким многогранным талантом был наделен Максимилиан Александрович Волошин. Всесторонне эрудированный, обладающий широким кругозором человек, замечательный поэт, высокопрофессиональный переводчик, художественный и литературный критик, Максимилиан Волошин известен и как художник с весьма незаурядным и самобытным дарованием. Благодаря своему таланту он стал одним из самых ярких представителей «серебряного века».

Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин родился 16 мая 1877 года в Киеве, предки по отцу – запорожские казаки, по матери – обрусевшие в 17-м веке немцы. В три года остался без отца, детство и отрочество прошли в Москве. В 1893-м году мать приобрела земельный участок в Коктебеле (близ Феодосии), где Волошин в 1897-м году окончил гимназию. Поступив на юридический факультет Московского университета, втянулся в революционную деятельность, за причастность к Всероссийской студенческой забастовке в феврале 1900-го года, а также за «отрицательное миросозерцание» и «склонность ко всякого рода агитациям» был отстранен от занятий. Во избежание иных последствий, отправился осенью 1900-го года рабочим на строительство Ташкентско-Оренбургской железной дороги. Этот период Волошин называл позднее «решающим моментом в моей духовной жизни. Здесь я почувствовал Азию, Восток, древность, относительность европейской культуры».

Тем не менее именно активное приобщение к достижениям художественной и интеллектуальной культуры Западной Европы становится его жизненной целью начиная с первых путешествий 1899-го – 1900-го годов во Францию, Италию, Австро-Венгрию, Германию, Швейцарию, Грецию. Особенно притягивал его Париж, в котором он видел центр европейской и, стало быть, всеобщей духовной жизни. Вернувшись из Азии и опасаясь дальнейших преследований, Волошин решает «уйти на Запад, пройти сквозь латинскую дисциплину формы».

В Париже Волошин живет с апреля 1901-го по январь 1903-го, с декабря 1903-го до июня 1906-го, с мая 1908-го по январь 1909-го, с сентября 1911-го по январь 1912-го и с января 1915-го до апреля 1916-го годов. В промежутках странствует «в пределах древнего Средиземноморского мира», наездами бывает в обеих российских столицах и обитает в своем коктебельском «доме поэта», который становится своеобразным

культурным центром, пристанищем и местом отдыха писательской элиты, «Киммерийскими Афинами», по выражению поэта и переводчика Шенгели.

В разное время там побывали Брюсов, Андрей Белый, Горький, Алексей Толстой, Гумилев, Цветаева, Мандельштам, Иванов, Замятин, Ходасевич, Булгаков, Чуковский и многие другие писатели, художники, артисты, ученые. Дача, позднее получившая название «Дом Поэта», чем-то напоминала и средневековый замок, и типичную для Средиземноморья небольшую загородную виллу. В трехэтажном здании, со всех сторон оплетенном лестницами, балкончиками и галереями, были и просторный зал для приемов, и плоская крыша, с которой темными южными ночами можно было наблюдать звезды, и библиотека, и мастерская художника (с 1902-го года Волошин пишет маслом, а десяток лет спустя появляются его замечательные акварели), и, разумеется, комнаты для гостей – друзей, художников и поэтов, и просто интересных собеседников.

Волошин дебютировал как литературный критик: в 1899-м году журнал «Русская мысль» печатает без подписи его маленькие рецензии, в мае 1900-го года там же появляется большая статья «В защиту Гауптмана», подписанная «Макс. Волошин» и представляющая собой один из первых российских манифестов модернистской эстетики.

Дальнейшие его статьи (36 о русской литературе, 28 – о французской, 35 – о русском и французском театре, 49 – о событиях культурной жизни Франции) провозглашают и утверждают художественные принципы модернизма, вводят новые явления русской литературы (в особенности творчество «младших» символистов) в контекст современной европейской культуры. «Волошин был необходим в эти годы, – вспоминал Андрей Белый, – без него, округлителя острых углов, я не знаю, чем кончилось бы заострение мнений...».

Стихов поначалу писалось немного, и почти все они были собраны в книге «Стихотворения. 1900-го – 1910-го годов». В годы начавшихся катаклизмов, Волошин отказался от военной службы, поскольку не хотел принимать участия в разрушениях. Не принял он и революцию, восприняв ее как космическую драму бытия:

А я стою один меж них

В ревущем пламени и дыме

И всеми силами своими

Молюсь за тех и за других.

Вполне созвучны поэтике Верхарна стихи о войне, составившие сборник «Anno mundi ardentis 1915-й» (1916-го года). Здесь отработывались приемы и образы той стихотворной риторики, которая стала устойчивой характеристикой поэзии Волошина времен революции, гражданской войны и последующих лет.

Часть тогдашних стихотворений была опубликована в сборнике «Демоны глухонемые» (1919-й), часть – под условным объединяющим заглавием «Стихи о терроре» издана в Берлине в 1923-м году; но в большинстве своем они остались в рукописи. В 1920-е годы Волошин составил из них книги «Неопалимая Купина. Стихи о войне и революции» и «Путями Каина. Трагедия материальной культуры».

Однако в 1923-м году началась официальная травля Волошина, имя его было предано забвению и с 1928-го по 1961-й годы в СССР в печати не появилось ни одной его строчки. Когда в 1961-м году Эренбург почтительно упомянул о Волошине в своих мемуарах, это вызвало немедленную отповедь Дымшица, указавшего: «Макс Волошин был одним из самых незначительных декадентов, к революции он... отнесся отрицательно».

Волошин вернулся в Крым весной 1917-го года. «Больше не покидаю его, – писал он в автобиографии в 1925-м, – ни от кого не спасаюсь, никуда не эмигрирую...». Но ни хлопоты влиятельного Вересаева, ни умоляющее и отчасти покаянное обращение к всесильному идеологу Каменеву в 1924-м не помогли ему пробиться в печать. «Стих остается для меня единственной возможностью выражения мыслей», – писал Волошин.

Деятельность Волошина-искусствоведа после революции прекратилась, однако он успел опубликовать 34 статьи о русском изобразительном искусстве и 37 – о французском. Сохраняет значение его первая монографическая работа о Сурикове. Осталась незавершенной книга «Дух готики», над которой Волошин работал в 1912-м – 1913-м годах.

Живописью Волошин занялся, чтобы профессионально судить об изобразительном искусстве, – и оказался даровитым художником, его излюбленным жанром стали акварельные крымские пейзажи со стихотворными надписями. Волошин – художник-самоучка. Он недолго занимался рисунком в мастерской Елизаветы Кругликовой в Париже. Большую роль в становлении Волошина как художника сыграли работы классиков японской гравюры – Утамаро и Хокусая, с которыми он познакомился в Парижской национальной библиотеке, в Галерее эстампов. Здесь он изучал громадную коллекцию японской печатной книги Теодора Дерюи.

Особое значение Волошин придавал цвету. Цвет был для него, как и для восточных художников, символом. И выбор того или иного цвета никогда не был случайным. «Красный, – писал Волошин в связи с этим, – отвечает цвету земли, синий – воздуха, желтый – солнечному свету. Переведем это в символы. Красный будет означать глину, из которой сделано тело человека, – плоть, кровь, страсть. Синий – воздух и дух, мысль, бесконечность, неизвестность. Желтый – солнце, свет, волю, самоосознанность, царственность... Лиловый цвет образуется соединением красного и синего – это чувство тайны, цвет молитвы; зеленый – от смешения желтого с синим – это цвет растительного царства, надежды, радости бытия».

Акварели Волошина – это, как говорил сам художник, музыкально-красочные композиции на тему киммерийского пейзажа. Волошин писал акварельные пейзажи Крыма каждый день, они были своеобразным дневником художника, в котором он запечатлел свои чувства. «Не так уж много в истории живописи, посвященной только “настоящим” художникам, найдется произведений, способных вызвать мысли и грезы, подобные тем, которые возбуждают импровизации этого дилетанта», – так писал об акварелях Волошина Александр Бенуа. Умер Максимилиан Александрович Волошин в Коктебеле 11-го августа 1932-го года. Замечательный мастер ушел от нас, но осталось неподдельное волшебство его стихов и картин. Волшебство, которое сам Волошин запечатлел в этих удивительных строках:

*Все, что есть прекрасного в мире...
Факел косматый в шафранном тумане...
Влажной парчою расплесканный луч...
К небу из пены простертые длани...
Облачных грамот закатный сургуч...
Гаснут во времени, тонут в пространстве
Мысли, события, мечты, корабли...
Я ж уношу в свое странствие странствий
Лучшее из наваждений Земли...⁸*

3. Коктебель

5 мая Марина приезжает в Коктебель. Чуть раньше ее с Асей туда приглашает мать Волошина – Е. О. Волошина. «О волошинской артистической колонии в Коктебеле, недалеко от Феодосии, и о странной эксцентричной матери Волошина сохранилось немало забавных рассказов. Елене Оттобальдовне, немке по происхождению, известной под именем “Пра”, принадлежало несколько маленьких дач прямо у моря, у подножия горы Кара-Даг, которые она летом сдавала внаем художникам и артистам. Макс жил в башне. Там он занимался живописью, там же находилась его обширная, ценная библиотека. В Коктебеле собиралась веселая компания: все вместе сходились за обеденным столом, вместе устраивали экскурсии по окрестностям. Но очевидцы описывают главным образом одежду, которую носили мать и сын: “греческие хитоны”, и сандалиии на босу ногу. Это было так непривычно, что молодой Юрий Терапиано предпринял поездку на велосипеде в Коктебель, чтобы поглядеть на эту странную компанию; там ему показали двух молодых девушек в белых платьях: “дочери профессора Цветаева из Москвы” (См. Ю. Терапиано. Встречи. Нью-Йорк. 1953, с. 8)» (5, с. 83).

Вот как сама Марина описывает свой первый приезд в Коктебель и свои первые впечатления: «Пятого мая 1911 года, после чудесного месяца одиночества на развалинах генуэзской крепости в Гурзуфе, в веском обществе пятитомного Калиостро и шеститомной Консуэлы, после целого дня певучей арбы по дебрям восточного Крыма, я впервые вступила на коктебельскую землю, перед самым Максиным домом, из которого уже огромными прыжками, по белой внешней лестнице, неся мне навстречу – совершенно новый, неузнаваемый Макс. Макс легенды, а чаще сплетни (злостной!), Макс, в кавычках, “хитона”, то есть попросту длинной полотняной рубашки, Макс сандалий, почему-то признаваемых обывателем только в виде иносказания “не достоин развязать ремни его сандалий”, и неизвестно почему страстно отвергаемых в быту – хотя земля та же, да и быт приблизительно тот же, быт, диктуемый прежде всего природой, – Макс полынного веночка и цветной подпояски, Макс широченной улыбки гостеприимства, Макс – Коктебеля.

– А теперь я вас познакомлю с мамой. Елена Оттобальдовна Волошина – Марина Ивановна Цветаева.

Мама: седые отброшенные назад волосы, орлиный профиль с голубым глазом, белый, серебром шитый, длинный кафтан, синие, по щиколотку, шаровары, казанские

сапоги. Переложив из правой в левую дымящуюся папиросу: “Здравствуйте!”» (4, «Живое о живом», с. 813-814).

С момента приезда Цветаевой на коктебельскую землю, все в один миг изменилось, реальность повернулась новой и непредвиденной стороной. Макс по всей округе славился своими мистификациями и розыгрышами; в доме, при участии Елены Оттобальдовны часто устраивались театрализованные представления. «Макс мифу принадлежал душой и телом куда больше, чем стихам, которые скорее являлись принадлежностью его сознания. Макс сам был миф» (4, «Живое о живом», с. 813-814).

«Множество гостей. Среди них – молодой, с бледным удлинённым лицом, очень тонкий в талии Игорь Северянин. Сперва Марина видит его сидящим на скамеечке перед морем (“всем Черным морем!” – вспоминает она через 25 лет в письме к А. Тесковой). Потом знаменитый поэт на глазах у новой гостьи манерно наклоняется к розовому кусту и долго нюхает недавно распустившийся цветок. Позднее выясняется, что Марина стала новой жертвой знаменитых Максовых розыгрышей, и синеглазый стройный юноша – не Северянин, а болюющий туберкулезом семнадцатилетний Сергей Эфрон. /.../ Марина – все еще скованная, недоверчивая, замкнутая. Впервые вечер проведен не за книгой, а за разговорами с шутками и смехом, с гаданьями» (3, с. 218).

Марина вспоминает, как они с Максом входили в Аид: «Макс, я. На веслах турки-контрабандисты. Лодка острая и быстрая: рыба-пила. Коктебель за много миль. Едем час. Справа (Максино определение, – счастлива, что сохранила) реймские и шартрские соборы скал, чтобы увидеть вершины которых, необходимо свести затылок с уровнем моря, то есть опрокинуть лодку – что бы и случилось, если бы не противовес Макса: он на носу, я на корме. Десятисаженный грот: в глубокую грудь скалы.

– А это, Марина, вход в Аид. Сюда Орфей входил за Эвридикой. – Входим и мы. /.../

– В Аид, Марина, нужно входить одному. И ты одна вошла, Марина, я – как эти турки, я не в счет, я только средство, Марина, как эти весла... /.../

Сколько водили меня по черным ходам жизни, заводили и бросали, – выбирайся как знаешь. Что я в жизни видела, кроме черного хода? и чернейших людских ходов?

А вот что: вход в Аид!» (4, «Живое о живом», с. 821-822).

Во время этого плаванья Марина сообщает Волошину: « – Макс, я выйду замуж только за того, кто из всего побережья угадает, какой мой любимый камень.

– Марина! (вкрадчивый голос Макса) – влюбленные, как тебе, может быть, уже известно – глупеют. И когда тот, кого ты полюбишь, принесет тебе (сладчайшим голосом)... булыжник, ты совершенно искренне поверишь, что это твой любимый камень!

В этот день Макс говорит Елене Оттобальдовне:

– Мама! Ты знаешь, что мне сказала М. И.? Найти и принести ей ее любимый камень на всем побережье!» (3, с. 219). Этот диалог Цветаева полностью приводит в «Истории одного посвящения» (1931).

«Сразу же после приезда из Гурзуфа Марина идет на берег моря – огромный, безлюдный пляж сердоликовой бухты... Она начинает искать красивые камни. Вдруг она видит, что на скамейке, один на фоне бесконечного морского горизонта, сидит грустный красавец-юноша. Он просит позволения ей помочь, и она, очарованная его прекрасными голубыми глазами, соглашается. При этом она, про себя, клянется: если он догадается, какой камень ей больше всего нравится и принесет ей – тогда она выйдет за него замуж.

Позже Цветаева вспоминает: “А с камешком – сбылось, ибо С. Я. Эфрон, за которого я, дождавшись его восемнадцатилетия, через полгода вышла замуж, чуть ли не в первый день знакомства открыл и вручил мне – величайшая редкость! – генуэзскую сердоликовую бусу, которая и по сей день со мной” («Истории одного посвящения», 1931).

Позже Марина напишет: “В Крыму, где я гощу у Макса Волошина, я встречаю моего будущего мужа, Сергея Эфрона. Нам 17 и 18 лет. Я обещаю себе, что, что бы ни случилось, я никогда с ним не расстанусь”» (13) (5, с. 83-84).

«Внешность его романтическая: высок, худ, огромные глаза “цвета моря”, как скажет Цветаева. Узкое породистое лицо – такое может принадлежать анличанину, скандинаву... Чувства, связавшие двух молодых людей, сильны и прочны. Здесь и нежность, и дружба, и единомыслие. В привязанности Цветаевой – что-то материнское, опекающее. Она забыла о собственной тоске; она стремится помочь ему, утешить в горе, спасти от болезни, вдохнуть свою энергию» (8, с. 28).

Теперь совсем другое настроение сопровождает Марину, о грусти и одиночестве не может быть и речи (недаром приехавшая вскоре в Коктебель Ася не узнала свою сестру). В своем следующем письме к Максиму из Феодосии чувствуются совсем другие интонации по сравнению с письмами из Гурзуфа: «Дорогой Макс, ты такой трогательный, такой хороший, такой медведюшка, что я никогда не буду ничьей приемной дочерью, кроме твоей. В последний вечер у тебя была тоска, а я думала, что ты просто злишься, – теперь я раскаиваюсь в своей резкости. Нужно было подойти к тебе, погладить тебя по лохматой гриве и сказать: “Ма-акс! Ма-акс!” или: “Кис-кис, кис-кис!”, тогда ты сразу сделался бы хорошим, настоящим, тем, кто на все случаи жизни

знает только одно утешение – “Баю бай бай, Медведевы детки”... Ты не должен меня забывать, я тебя так хорошо понимаю, особенно... в случае с Верочкой. Но и в другие тоже! Это лето было лучшим из всех моих взрослых лет, и им я обязана тебе. Прими мою благодарность, мое раскаянье и мою ничем не... заменимую нежность. <Рукой С. Эфрона>: Ма-акс! Привет и поцелуй от твоего дорогого Сережи. P. S. Ха-ароший он был!!! Будь здоров. Твой до гроба Сергей Эфрон» (8 июня 1911 года) (7, с. 48).

В Москве, тем временем, в июне 1911 в «Мусагете» выходит «Антология» – сборник современной русской лирики. Этот сборник в алфавитном порядке содержит произведения тридцати авторов. В конце алфавитного списка, непосредственно перед Эллисом (издателем сборника), можно найти двух новичков в литературе: Владислава Ходасевича и Марину Цветаеву. В сборнике напечатаны два ее стихотворения (5, с. 81).

Известно еще об одном стихотворении, посвященном Макс, написанном где-то в это же время в 1911 году. Судя по всему, тема этого стихотворения была навеяна Еленой Оттобальдовной, которая рассказала, что однажды, когда Макс был маленький, он всю ночь не шел спать и стоял у окна. Когда же она спросила его, почему он не ложится, он ответил, что ждет жар-птицу. Запомнившийся диалог матери с сыном со слов Елены Оттобальдовны Марина подробно описывает в «Живое о живом».

Жар-птица (Максу Волошину)

Нет возможности, хоть брось!

Что ни буква – клякса,

Строчка вкривь и строчка вкось,

Строчки веером, – все врозь!

Нету сил у Макса!

– «Барин, кушать!» Что еда!

Блюдо вечно блюдо

И вода всегда вода.

Что еда ему, когда

Ожидает чудо?

У больших об этом речь,

А большие правы.

*Не спешит в постельку лечь,
Должен птицу он стеречь,
Богатырь кудрявый.*

*Уж часы двенадцать бьют,
(Бой промчался резкий),
Над подушкой сны встают
В складках занавески.*

*Промелькнет – не Рыба-Кит,
Трудно ухватиться!
Точно радуга блестит!
Почему же не летит
Чудная Жар-Птица?*

*Плакать – глупо. Он не глуп,
Он совсем не плакса,
Не надует гордых губ, –
Ведь Жар-Птица, а не суп
Ожидает Макса!*

*Как зарница! На хвосте
Золотые блестки!
Много птиц, да все не те...
На ресницах в темноте
Засияли слезки.*

*Он тесней к окну приник:
Серые фигуры... В
далеке унылый крик...
– В эту ночь он все постиг,
Мальчик белокурый! (4, с. 47)*

«Двухмесячное житье в Коктебеле поистине явилось для нее пребыванием в раю. Природа этого уголка на всю жизнь стала “местом ее души”. О хозяйине и говорить нечего; теперь же она обрела нового друга: мать Волошина, Елену Оттобальдовну, “Пра” (от “Праматерь”), как прозвала ее молодежь, приехавшая в гостеприимный волошинский дом. И еще Елизавета Яковлевна Эфрон – Лиля, старшая сестра Сергея, самый близкий ему человек; с нею он делился, можно сказать, каждым вздохом своей жизни. “Солнце нашей семьи” – так назовет Цветаева спустя многие годы Елизавету Яковлевну» (8, с. 28-29).

В начале июля молодая пара уезжает из Коктебеля в Уфимскую губернию на Усень-Ивановский завод, где Сережа должен лечиться кумысом от туберкулеза и прибавлять в весе. Там они живут чуть больше месяца, откуда не перестают посылать приветы в Коктебель: «Желаю тебе чувствовать себя так же хорошо, как я. МЦ. <Рукой С. Эфрона>: Милый Макс! Мы с Мариной часто вспоминаем твой Коктебель. Целую Сережу. Кланяйся от нас Елене Оттобальдовне. Мы ей скоро напишем» (15 июля 1911 года).

«Дорогой Макс, если бы ты знал, как я хорошо к тебе отношусь! Ты такой удивительно-милый, ласковый, осторожный, внимательный. Я так любовалась тобой на вечере в Старом Крыму, – твоим участием к Олимпиаде Никитичне, твоей вечной готовностью помогать людям. Не принимай все это за комплименты, – я вовсе не считаю тебя какой-нибудь ходячей добродетелью из общества взаимопомощи, – ты просто Макс, чудный, сказочный Медведюшка. Я тебе страшно благодарна за Коктебель, – *paus de redemption* (фр. страна искупления), как называет его Аделаида Казимировна, и вообще за все, что ты мне дал. Чем я тебе отплачу? Знай одно, Максинька: если тебе когда-нибудь понадобится соучастник в какой-нибудь мистификации, позови меня... Если она мне понравится, я соглашусь. Надеюсь, что другого конца ты не ожидал?» (26 июля 1911 года) (7, с. 49).

«С удовольствием думаю о нашем появлении в Мусагете втроем и на ты! Ты ведь приведешь туда Сережу? А то мне очень не хочется просить об этом Эллиса. Спасибо за письмо, милый Медведюшка. Меня очень обрадовало твое усиленное рисование, Сережу тоже, – по какой чудной картине ты нам подаришь, с морем, с горами, с полынью! Если ты о них забудешь при встрече в Москве, ты ведь позволишь нам напомнить, – *vous rafraichir la memoire?* (фр. освежить вам память?). Сережа готовит тебе сюрприз, я... мечтаю о твоих картинах, – видишь, как мы тебя вспоминаем!» (11 августа 1911 года) (7, с. 51).

Приехав в Москву, Марина с Сережей переехали в Сивцев Вражек. С ними едет Лиля, Вера Эфрон и Елена Оттобальдовна Волошина. Они как будто не забывают традиции Коктебеля, устраивают различные мистификации, шутят, дурачатся. Они, а также появляющиеся в доме друзья, получают прозвище «обормоты» – за свое бесшабашное поведение. Все терпящая, обладающая неувыдаемо молодой душой «Пра» будет величать себя «старой обормотской пастушкой», квартиру в Сивцевом Вражке назовут «обормотником» (8, с. 30-31).

Марина подробно описывает в письмах к Максиму свой новый московский быт, курьезные ситуации, даже интерьер комнат. В начале сентября Макс был в Париже в качестве корреспондента ежедневной «Московской газеты». Он надеялся на заработок, который бы ему позволил жить в Париже. Однако редакция подолгу задерживала гонорар и вскоре совсем отказалась от собственного корреспондента (7, с. 73). Но, пока Макс еще в Париже, Марина ему дает несколько поручений: «Максинька, узнай мне, пожалуйста, точный адрес Rostand и его местопребывание в настоящую минуту! Играет ли Сарра? Если будет время, зайди на Rue Bonaparte, 59 bis или 70 к M-me Gary и расскажи ей обо мне и передай привет. Она будет очень рада тебе, а я – благодарна» (22-го сентября/5-го октября 1911 г.) (7, с. 53).

Марина в одном из своих писем упрекает Максима в том, что тот уделял недостаточное внимание Сереже, когда они были в Коктебеле: «Ты, Макс, конечно, больше любишь Бориса, ты отчего-то Сереже за все лето слова не сказал. Мне очень интересно – почему? Если из-за мнения о нем Лили и Веры – ведь они его так же мало знают, как папа меня. Ты, так интересующийся каждым, вдруг пропустил Сережу, – я ничего не понимаю!» (7, с. 54). Существует также предположение, что летом 1911 года в Коктебеле образовался любовный треугольник. Тому подтверждение строки, написанные Максимом в то время:

*Возьми весло, ладью отчаль,
И пусть в ладье вас будет двое.
Ах, безысходность и печаль
Сопровождают всё земное.* (3, с. 220)

Марина чувствует жизненный опыт Максима, иногда просит у него совета как у старшего младший и, как всегда, много личного: «Со многим, что мне раньше казалось слишком трудным, невозможным для меня, я справилась и со многим еще буду

справляться! Мне надо быть очень сильной и верить в себя, иначе совсем невозможно жить! Странно, Макс, почувствовать себя внезапно совсем самостоятельной. Для меня это сюрприз, – мне всегда казалось, что кто-то другой будет устраивать мою жизнь. Теперь же я во всем буду поступать, как в печатании сборника. Пойду и сделаю. Ты меня одобряешь? Потом я еще думала, что глупо быть счастливой, даже неприлично! Глупо и неприлично так думать – вот мое сегодня» (28 октября 1911) (7, с. 55).

Осенью Марина готовит к печати свою вторую книгу – «Волшебный фонарь».

О своем запланированном венчании с Сережей Марина ставит в известность Макса: «В январе я венчаюсь с Сережей, – приезжай. Ты будешь моим шафером. Твое присутствие совершенно необходимо. /.../ Я всем довольна, январь – начало нового года, 1912 г. – год пребывания Наполеона в Москве. /.../ Пиши мне. Только не о “серьезности такого шага, юности, неопытности” и т. д.» (3 ноября 1911) (7, с. 56-57).

3 ноября 1911 года Марина с Асей выступают на вечере, устроенном Брюсовым в «Обществе свободной эстетики», где они читают «в унисон» цветаевские стихотворения (8, с. 31).

«Мы прочли несколько стихов. Из них помню “В пятнадцать лет” и “Декабрьская сказка”... Был один миг тишины после нашего последнего слова – и аплодисменты рухнули в залу – как весенний гром в сад! Запрещенные в этом доме аплодисменты! Мы стояли, смущенные (неумело кланялись?) – откланиваясь, уходя, спеша уйти, а нам вслед неистово аплодировали... “Триумф” говорили нам потом. Это был первый вечер Мариной начинающей известности» (Анастасия Цветаева, «Воспоминания»).

В этот же вечер в первый раз выступил и Владимир Маяковский.

«Незадолго до свадьбы Марины и Сережи происходит их первая и единственная ссора с Максом Волошиным. Марина обижена, потому что, получив извещение о ее свадьбе, Волошин не поздравляет, а пишет скорее соболезнующее письмо. Марина ему отвечает, не называя его лично» (5, с. 89): «Ваше письмо – большая ошибка. Есть области, где шутка неуместна, и вещи, о которых нужно говорить с уважением или совсем молчать за отсутствием этого чувства вообще. В Вашем издевательстве виновата, конечно, я, допустившая слишком короткое обращение. Спасибо за урок!» (11 ноября 1911 года) (7, с. 57).

Но на этом, как видно из декабрьского письма, разногласие кончается: «Дорогой Макс, вот Сережа и Марина, люби их вместе или по отдельности, только непременно люби и непременно обоих. Твоя книга – прекрасная, большое спасибо и усиленное глажение по лохматой медвежьей голове за нее. Макс, я уверена, что ты не полюбишь

моего 2-го сборника. Ты говоришь, он должен быть лучше 1-го или он будет плох. “En poesie, comme en amour, rester a la meme place – c’est reculer?” (фр. “В поэзии, как и в любви, остаться на одном и том же месте – значит отступить?”). Это прекрасные слова, способные воодушевить меня, но не изменить!» (3 декабря 1911 года) (7, с. 57).

27 января 1912 года состоялось венчание Марины Ивановны Цветаевой и Сергея Яковлевича Эфрона (Волошин на свадьбу, однако, все же не приехал). А уже в следующем месяце выходит второй сборник поэта – «Волшебный фонарь». Многие темы остались прежними, чем критики были сильно недовольны. Однако, есть предположение, что стихи, включенные в новый сборник, были написаны еще до появления первого, «Вечернего альбома». Тогда причина наличия данной тематики становится ясна.

Впервые в новом сборнике появляется персона Максимилиана Волошина. Но не теперешнего, не взрослого, а маленького Макса, мечтавшего увидеть Жар-Птицу. Другой новый персонаж – Сергей Эфрон: «Бабушкин внучек», «Контрабандисты и бандиты», «Венера», «На радость», «Из сказки – в сказку» (8, с. 32).

В конце февраля молодая семья отправляется в свадебное путешествие по Европе: Италия, Франция, Германия.

Оттуда они посылают открытку Максусу: «Милый Макс, Христос Воскресе! Где ты сейчас? Скоро ли собираешься в Коктебель или пришли мне какие-нибудь стихи. /.../ Мы живем на 4-ом этаже, у самого неба. В нашем дворе старинный фонтан с амуром. Мы много снимаем. Будь так мил, узнай мне поскорей адрес Аделаиды Казимировны, очень тебя прошу! Привет Пра» (9). Эта открытка была послана из Палермо 4 апреля 1912 года.

В сентябре 1912 года у Марины Цветаевой и Сергея Эфрона рождается дочь Ариадна. Крестными родителями были Иван Владимирович Цветаев и Елена Оттобальдовна Волошина («Пра»).

В феврале 1913 года выходит в свет третий сборник Марины Цветаевой – «Из двух книг», также она работает над следующей книгой – «Юношеские стихи» 1912-1915, которая так и не была напечатана.

IV

1913 – 1914 гг. в Крыму. Творчество

1. Коктебель, Ялта

«В начале апреля 1913 года Волошин уезжает в Коктебель; вскоре туда отправляется с семьей Цветаева и живет там до 14 августа. Четыре месяца счастливой жизни» (8, с. 46).

«В Коктебеле семья была принята, как всегда, особенно радушно. Волошин рисует для Марины картину; Марина и Сережа дарят “Пра” свои книги с посвящениями, они чувствуют себя окруженными атмосферой дружбы и понимания, которая особенно благотворно действует на творчество Цветаевой. Новое чувство уверенности в себе и в своей творческой силе слышится в знаменитых строках от 13 мая 1913 года, написанных в Коктебеле: “Моим стихам, написанным так рано”. Знает ли она в солнечном беззаботном Коктебеле 1913 года, насколько она права в том, о чем говорит? В продолжение всей своей жизни Цветаева считала эти стихи одними из своих самых важных: “Формула – наперед все моей писательской (и человеческой) судьбы”, – писала она Иваску 4 апреля 1933 года и добавляла: “Я все знала – отродясь”» (5, с. 101).

«Стихи весны – лета 1913 года (их сохранилось пятнадцать или чуть больше) по сравнению с предыдущими – более “взрослые”; в них стало больше “острых чувств”. Если в “Вечернем альбоме” и “Волшебном фонаре” эгоцентризм стихов смягчался беззащитностью и печалью, то теперь в них улавливается оттенок избранничества лирической героини. Пожалуй, с этого момента можно более или менее определенно говорить о влиянии на Цветаеву дорогой ей “тени” Марии Башкирцевой. В стихи ее приходят мысли о неизбежности конца; удел любой юности, рано или поздно задумывающейся над этим. Однако мысли о судьбе и личности Башкирцевой, несомненно, еще сильнее подогревали ощущения самой Цветаевой:

Знаю! – Всё сгорит дотла!

И не приютит могила

Ничего, что я любила,

Чем жила. («Посвящаю эти строки...»)

Или строфа стихотворения «Идешь, на меня похожий...» (впоследствии отброшенная):

*Я вечности не приемлю!
Зачем меня погребли?
Я так не хотела в землю
С любимой моей земли!*

Юношеский эгоцентризм, однако, сочетается с удивительным прозрением своего будущего (в уже ранее упомянутом стихотворении «Моим стихам, написанным так рано...»):

*...Разбросанным в пыли по магазинам,
– Где их никто не брал и не берет, –
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.*

А рядом – некое самолюбование: «Я одна с моей большой любовью К собственной своей душе», «Вы, идущие мимо меня К не моим и сомнительным чарам», – как наивно это звучит! Лирическая героиня сожалеет, что осталась непонятой:

*Какого демона во мне
Ты в вечность упустил!*

Но было бы несправедливым вычитать из этих слов одно лишь высокое мнение автора о себе (максимализм юности!). Двадцатилетняя Цветаева предрекает собственную судьбу: «Я знаю, что ни перед кем Не буду я права». Она смотрит в завтра, в грядущую свою жизнь, когда столкнется с непониманием другими ее души, с холодностью в ответ на ее любовь, с глухотой к ее творчеству. Именно об этом – последние строки цитируемого стихотворения:

*Но помните, что будет суд,
Разящий, как стрела,
Когда над головой блеснут
Два пламенных крыла. («Идите же! – Мой голос нем...»).*

Два огненных крыла – этот впервые появившийся образ пройдет через всю поэзию Цветаевой. Образ крылатого Гения вдохновения, парящего над поэтом...

Однако это прозрение – лишь на минуту; Цветаева еще не извела трагедий; она выражает радость общения с близкими. С сестрой Асей, с которой у нее полное взаимопонимание, унисон:

Мы быстры и наготове,

Мы остры.

В каждом жесте, в каждом взгляде, в каждом слове –

Две сестры. («Асе»).

Она любит мужа, выводя его романтический портрет:

Есть такие голоса,

Что смолкнешь, им не вторя,

Что предвидишь чудеса.

Есть огромные глаза

Цвета моря. («Сергею Эфрон-Дурново»).

В письмах к М. С. Фельдштейну (впоследствии – муж Веры Эфрон) Марина подробно описывает свою кокетельскую жизнь, веселые прогулки, изображает в них с юмором свое тогдашнее окружение.

Благодаря Волошину, а также совсем юному тогда будущему художнику Леониду Фейнбергу, сделавшим множество снимков, сохранился «кокетельский» облик Марины Цветаевой. На фотографиях 1911 года у нее пушистые, чуть вьющиеся волосы (такими они на короткое время сделались после того, как она обрила голову в 1910 году). В 1913 году ее облик несколько меняется: округлость уменьшается, черты становятся острее, профиль строже.

Ухудшившееся здоровье Сергея не позволило ему готовиться к экзаменам в гимназию; он отправляется учиться в Ялту, в санаторий Александра III.

«В Ялте мы отбились от рук. Ходим чуть ли не ежедневно в кинематограф», – пишет он в августе сестре Вере» (8, с. 46-49).

15 августа Марина одна призжает в Москву, хочет продать их дом на Полянке, но вскоре по ее приезду происходит несчастье: 30 августа умирает ее отец, Иван

Владимирович Цветаев. Все его дети в это время (Марина, Ася, Валерия, Андрей) чудом оказались в Москве и смогли быть с ним рядом. Из Москвы Марина уезжает обратно на юг лишь 8 сентября. К этому времени Сережа уже снял комнату в Ялте, зная, что она хочет приехать к Алиному дню рождения.

К ялтинскому творчеству Цветаевой относятся стихотворения, посвященные Байрону и Пушкину. Байрона она изображает романтическим героем:

*Я думаю об утре Вашей славы,
Об утре Ваших дней,
Когда очнулись демоном от сна Вы,
И Богом для людей. («Байрону»).*

«Совсем иначе воображает Цветаева встречу с Пушкиным. Она ощущает его таким же реальным существом, как и она сама; ему можно распахнуть душу, что она и делает: “Встреча с Пушкиным” – стихотворение-исповедь, оно не о Пушкине, а о ней самой:

*Пушкин! Ты знал бы по первому взору,
Кто у тебя на пути.
И просиял бы, и под руку в гору
Не предложил мне идти.*

Она бы шла рядом, “не опираясь на смуглую руку”, потому что ее лирическая героиня – поэт, а не поэтесса; она Пушкину товарищ, собрат. Не ровня, но – “коллега” по ремеслу.

Пушкин молчит; она, несколько рисуясь, исповедуется: перечисляет все, что любит, что ей дорого, всю юношескую “мешанину” чувств и пристрастий: “Комедиантов и звон тамбурина, Золото и серебро, Неповторимое имя: Марина, Байрона и болеро...”. Пушкин молчит, “так грустно, так мило Тонкий обняв кипарис”. А в финале оба “рассмеялись бы и побежали За руку вниз по горе”. Как ни наивны оба стихотворения, в них запечатлено стремление Цветаевой осознать себя, свое место среди поэтов» (8, с. 52).

2. Феодосия

«Мне пришлось остаться еще на месяц, – пишет Эфрон 30 сентября сестре Вере. – В начале ноября мы выезжаем». «В конце сентября стало ясно, что лечение Сергея нужно продолжать».

Однако, решение ехать в Москву внезапно изменилось. 14 октября Цветаева пишет Вере: «Послезавтра я с Алей и няней еду в Феодосию устраиваться. Насчет Феодосии мы решили как-то сразу, не сговариваясь. Сереже хочется спокойствия и отсутствия соблазнов для экзаменов».

Марина Ивановна уже привыкла к Крыму, ее все меньше и меньше тянет в Москву. Семнадцатого октября Цветаева приезжает в Феодосию; ее сопровождает верная Лиля Эфрон, после чего возвращается в Ялту к брату. Цветаева оказывается в непривычном одиночестве (8, с. 52-53).

Она поселилась на даче Редлих по ул. Анненской (ныне ул. Шмидта, 14), на пригорке в Караимской слободе, с которого открывается вид на берег и весь город. Ася нашла квартиру в десяти минутах ходьбы от дачи сестры, в доме на углу улиц Бульварной и Военной (ныне ул. В. Коробкова, 13). Здесь они и оставались до начала войны (5, с. 102).

«Марина жила минутах в десяти от меня, вверх по отлогой горе... Садик вокруг низкого длинного домика был густой, уютный, веселый, с холма был вид на море... Комнатки, где жили Марина с Сережей, Алей и няней, были низкие, старенькие; старинная простенькая мебель радовала глаз пуфами, диванчиком, ламповым абажуром, картиной в поблекшей раме. Створки окон, распахнутые в низкие кусты, впускали запах дрока – он звал в Коктебель...», – вспоминала Анастасия Цветаева. И заклинательно: «...я их помню, и я говорю: Марина была счастлива с ее удивительным мужем, с ее изумительной маленькой дочкой – в те предвоенные годы. Марина была счастлива» (10).

Вслед уехавшей Лиле Эфрон Марина в письме описывает свою новую феодосийскую жизнь, маленькую Ариадну, с которой они вдвоем переехали: «Сегодня чудный летний синий день: на столе играют солнечные пятна, в окне качается красно-желтый виноград. Сейчас Аля спит и всхлипывает во сне, она так и рвется ко мне с рук идеальной няни. Умилитесь надо мной: я несколько раз заставляла ее говорить: “Лилия!”» (8, с. 52).

Вскоре, 13 ноября 1913 года, Марина пишет стихотворение, посвященное дочери, в некотором роде предсказывая будущее своего красивого ребенка:

*Аля! – Маленькая тень
На огромном горизонте.
Тщетно говорю: не троньте,
Будет день –*

*Милый, грустный и большой,
День, когда от жизни рядом
Вся ты оторвешься взглядом
И душой. /.../*

*Прелесть двух огромных глаз,
– Их угроза – их опасность –
– Недоступность – гордость – страстность
В первый раз...»*

Где-то в конце 1913 года Марина пишет еще одно стихотворение, на этот раз шуточное:

*Макс Волошин первый был,
Нежно Майенку любил,
Предприимчивый Бальмонт
Звал с собой за горизонт,
Вячеслав Иванов сам
Пел над люлькой по часам:
Баю-баюшки-баю,
Баю Майенку мою.*

«Во втором издании своих воспоминаний, вышедших в 1974 году, Анастасия Ивановна описывает эту зиму в Феодосии. Сестры встречались очень часто и принимали деятельное участие в культурной жизни города. Как и раньше, они вместе декламировали стихи Марины. Например, 24 ноября на открытии благотворительного “Еврейского общества помощи бедным”, на котором участвовал и Сергей Эфрон; или 15 декабря, с участием Волошина на “Вечере поэзии и музыки”. Они также читали и в частных домах, большей частью в присутствии Макса Волошина, который приходил пешком из Коктебеля» (5, с. 102).

«Газета “Крымское слово” назвала Цветаеву “молодой талантливой поэтессой”, а по поводу одного из декабрьских вечеров писала: “Апофеоз вечера был в тот момент, когда тесно сгрудившаяся публика обступила сестер Цветаевых у сцены и настойчиво просила прочитать еще немного стихотворений. Еще и еще раз понеслись бурные рукоплескания...”. Во время одного из выступлений, когда Цветаева объявила стихи к дочери, – “вся зала ахнула, а кто-то восторженно крикнул «Браво!»”. Запись об этом Цветаева завершает удовлетворенно: “Мне на вид не больше 17-ти лет”» (8, с. 56).

Сестры Цветаевы в это время пользовались огромной популярностью, были везде востребованы и любимы, приобрели в Феодосии много своих поклонников. Очень часто сестры принимали у себя гостей, которые приезжали из Коктебеля из Дома Поэта. Также неоднократно у них бывал и сам Волошин.

«И мы поняли... что Феодосия – волшебный город и что мы полюбили его навсегда», – писала Анастасия Цветаева в воспоминаниях (10).

В конце декабря Сережа ненадолго ездил в Москву, чтобы показаться врачу (опасались осложнений туберкулеза), потом снова вернулся в Феодосию. 30 декабря сестры Цветаевы выступали на балу в пользу погибающих на водах (8, с. 56).

После длительной паузы в переписке Марины с Волошиным (по крайней мере, из того, что до нас дошло), она 27 декабря 1913 года пишет Макс, рассказывает о последних новостях, планах на Новый год:

«Милый Макс, спасибо за письмо и книжечку Эренбурга. О Сережиной болезни: присутствие туберкулеза на вырезанном отростке дало нам повод предположить его вообще в кишечнике. – Вот все данные, – 20-го Сережа уехал в Москву. Сегодня получила от него письмо: Лиля в Петербурге, все остальные в Москве, кроме Аси Жуковской. Завтра, или послезавтра Сережа приезжает, 30-го мы с Асей говорим стихи на каком-то вечере “pour les noyés” (фр. “Для утонувших”). /.../ А 31-го думаем приехать к тебе встречать Новый год, если только Сережа не слишком устанет с дороги. /.../ Всего лучшего, – не уезжаешь ли ты куда-нибудь на Новый год?» (7, с. 59).

В конце 1913 года вся семья была вместе: мать, вернувшийся из санатория отец и Аля. Цветаева, по-видимому, мало интересуется делами, оставленными в Москве. «О книгах (“Волшебный фонарь” и “Детство”) в магазинах ничего не знаю, – пишет она Вере Эфрон 14 декабря, – прошлой весной мы их давали в комиссию, продали или нет – не знаю...».

«Стихов пишу мало, – сообщает она в том же письме, – но написанным довольна». Это – опять стихи о «юности и смерти». О цветении юности и о конце – юности и жизни:

*Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли...*

Подобная тема звучит и в другом стихотворении того времени:

*Быть нежной, бешеной и шумной,
– Так жаждать жить! –
Очаровательной и умной, –
Прелестной быть!
Нежнее всех, кто есть и были,
Не знать вины...
– О возмущенье, что в могиле
Мы все равны! (8, с. 54-55).*

Казалось бы, парадокс, писать стихи о конце, о смерти, когда все так благополучно в семейной жизни, когда ее окружают многочисленные друзья и родственники, когда в литературе уже завоеван успех. Однако, с подобной тематикой, можно столкнуться еще в ранних произведениях Марины, еще до ее поэтической популярности. В каждом своем стихотворении, начиная с самых юношеских, Цветаева искренна и прямолинейна, уже тогда она понимает и глубоко переживает мотив не вечности, неизбежного конца всего.

«Сейчас, в конце 1913 года, внешняя жизнь Цветаевой, то, что она именovala бытом, – благополучна; внутренняя, духовная, или то, что именуется бытием, – драматична, – так же как и прежде, когда одиночество, несостоявшаяся любовь, тоска по “великим теням” терзали ее, шестнадцати-семнадцатилетнюю. Ничего, в сущности, не изменилось; могла ли измениться природа Марины Цветаевой, ее душа, данная ей в колыбель?.. Цветаева просто не умела жить иначе, хотя и могла радоваться отдельными моментами “благополучия” и “устроенности”» (8, с. 55).

Последнее стихотворение, датированное 1913 годом (26 декабря), посвящено «очаровательным франтам минувших лет» – генералам 1812 года, в первую очередь – Тучкову-четвертому (8, с. 56).

«Новый, 1914 год, Марина, Ася и Сережа встретили в Коктебеле, они добрались туда во время страшной бури; в ту же ночь, как описывает Марина в «Живое о живом», чуть не сгорела волошинская Башня» (5, с. 102).

«Первое полугодие нового года для Марины Ивановны складывалось относительно спокойно и благоприятно, она жила своей собственной жизнью, была занята писанием. 3 января она вместе с Волошиным выступает с чтением стихов на студенческом вечере в феодосийской мужской гимназии. Стихи ее – романтически-томные и грустные, уводящие в прошлый век» (8, с. 57).

Примером такой лирики может послужить стихотворение, написанное 14 февраля в Феодосии, выражающее настроение поэта:

*Над Феодосией угас
Навеки этот день весенний,
И всюду удлиняет тени
Прелестный предвечерний час.*

*Захлебываясь от тоски,
Иду одна, без всякой мысли,
И опустились и повисли
Две тоненьких моих руки.*

*Иду вдоль генуэзских стен,
Встречая ветра поцелуи,
И платья шелковые струи
Колеблются вокруг колен.*

*И скромн ободок кольца,
И трогательно мал и жалок
Букет из нескольких фиалок
Почти у самого лица.*

*Иду вдоль крепостных валов,
В тоске вечерней и весенней.
И вечер удлиняет тени,
И безнадежность ищет слов.*

«За эти последние два года муза Цветаевой резко шагнула вперед, явив пусть еще и юного, но совсем иного поэта, сулившего новое и впредь» /.../ «Она уже была прочно помещена в ряд поэтов-современников: Вячеслав Иванов, Валерий Брюсов, Константин Бальмонт, “Цех поэтов” (Николай Гумилев, Сергей Городецкий), Анна Ахматова, Михаил Кузмин, Игорь Северянин и другие» (8, с. 57).

Сергей в это время усиленно занимался, с утра и до вечера просиживал за учебниками, так как ему предстояло сдать экзамены экстерном, за курс гимназии, чтобы он потом мог поступить в университет.

«Анастасия Цветаева особенно подчеркивает, что во время этого года в Феодосии Марина расцвела в полную силу своей красоты и, окруженная любовью и почетом, была счастлива. Воспоминание об этом времени появляется у Марины в ее длинных стихах “Чародей” (написаны с 15 февраля по 15 марта), которые она посвящает Асе: это памятник Эллису. “Юношеские стихи” этого времени заключают в себе первую группу стихов с посвящением “Але”. Позже к ним добавляются многие другие.

Также из Феодосии Марина написала несколько писем В. В. Розанову (до сих пор известны три). Особо интересны они потому, что в них встречается много биографических подробностей» (5, с. 102-103).

Розанов тогда уже немолодой философ и писатель, ровестник И. В. Цветаева и его давний знакомый. Знакомство и переписку с ним начала Ася, прочитав книгу Розанова «Уединенное» (исповедально-философские записки-эссе). Причем, написала ему, не называя своей фамилии. Розанов на это искреннее письмо отвечает незамедлительно, причем таким «настоящим» письмом, что и Марина, прочитав его, решает ему от себя лично написать. В трех письмах к Розанову Марина рассказывает о своей семье, своем происхождении, женитьбе и многом другом. Причем, ее тон настолько доверителен, как будто она Розанова знает уже очень давно. В письмах к нему она не соблюдает никакой возрастной дистанции. Цветаева всегда испытывала потребность в опытном и мудром собеседнике. Помимо прочего, Марина просит, чтобы Розанов кое в чем поспособствовал: у Сережи в то время были трудности в школе, а директор его гимназии – большой почитатель творчества Розанова, поэтому Марина просит послать директору

одну из его книг с собственноручным посвящением и надеется, что это повлияет на результат предстоящего экзамена. Неизвестно, была ли просьба Марины выполнена (5, с. 103).

«Первого июня Цветаева с Алей приехали в Коктебель. 2 июня Сергей сообщил Лиле, что сдал десять экзаменов и осталось еще девять. Через три дня, в письме ей же, он с неудовлетворением сообщает, что в Коктебеле, куда он приезжал на один день все “как-то чересчур сыто” и что там “много смеются животом без веселости”» (8, с. 66-67).

«Во время этих последних мирных дней перед войной сюда прибыли художники Юлия Оболенская и Кандауров. Он был декоратором “Малого театра” и секретарем журнала “Мир искусства”». Это лето Макс Волошин в своих воспоминаниях назвал «летним вихрем безумства» (5, с. 103). Захватил ли этот вихрь Марину, или нет, нельзя сказать. Во всяком случае, в июне 1914 года она пишет там несколько своих серьезных стихотворений, одно из которых посвящено Сергею (8, с. 67):

С.Э.

*Я с вызовом ношу его кольцо!
– Да, в Вечности – жена, не на бумаге. –
Его чрезмерно узкое лицо
Подобно шпаге.*

*Безмолвен рот его, углами вниз,
Мучительно-великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови.*

*Он тонок первой тонкостью ветвей.
Его глаза – прекрасно-бесполезны! –
Под крыльями раскинутых бровей –
Две бездны.*

*В его лице я рыцарству верна,
– Всем вам, кто жил и умирал без страху! –
Такие – в роковые времена –
Слагают стансы – и идут на плаху.*

Волошин покинул Коктебель перед самым началом войны: он хотел встретиться с Рудольфом Штейнером, но обратно в Россию вернулся с большими трудностями лишь весной 1916 года (5, с. 103-104).

Где-то в начале июля Марина, Сережа и Аля вернулись в Москву. Причиной тому послужило возвращение старшего брата Сережи Петра из Парижа. Он был смертельно болен туберкулезом. Цветаева пишет цикл стихов, посвященных Петру Яковлевичу, которые она начала писать еще в Коктебеле. Она все еще надеется на его выздоровление, постоянно его навещает, всячески поддерживает. Но, через несколько недель он умирает.

V

Последние посещения Крыма

Войной Марина Ивановна в то время мало интересовалась. Как и всегда, для нее самыми главными являлись ее внутренние переживания, собственные чувства, а все внешние события были для нее второстепенными, не оказывали большого влияния на ее творчество. По крайней мере, так было в 1914 году, тем более что осенью Марина знакомится с поэтессой Софьей Парнок, которой она посвящает цикл стихов «Подруга», написанный между 14 октября 1914 и 6 мая 1915 года. В начале лета 1915 года Марина снова приезжает в Коктебель. На этот раз с Алей и Парнок (5, с. 109).

Волошина в то время в Коктебеле не было, он был в Париже. Несмотря на это, там было очень оживленно и многолюдно. «Кроме Марины, Аси и Лизы Парнок... приехал еще Алехан с Тусей (А. Н. Толстой и Н. В. Крандиевская), – писала Е. О. Волошина Лиле Эфрон. – Со вчерашнего дня к нам присоединился еще один поэт Мандельштам (Е. С.: Мандельштам приехал в Коктебель 30 июня). У него весело, много разговоров, стихи, декламации. Аля с Андрюшей (сын А. Цветаевой. – А. С.) необыкновенно милы, каждый в своем роде, и вместе и порознь хороши. С Мариной и Асей без перемен, и я их по-прежнему люблю; по-прежнему люблю и ценю больше Марину; по-прежнему обеих очень жаль» (8, с. 80-81).

Елена Оттобальдовна очень любит Марину и Сережу, она также является крестной маленькой Али. Ее очень беспокоит судьба молодой семьи. Еще 30 декабря 1914 года она пишет художнице Юлии Оболенской об отношениях Марины с Парнок: «Что Вам Сережа наговорил? Почему Вам страшно за него? – Знаю, что он опять

собирается в санаторию, но думаю, что он опять раздумает. – Вот относительно Марины страшновато: там дело пошло совсем всерьез. Она куда-то с Соней уезжала на несколько дней, держала это в большом секрете. Соня эта уже поссорилась со своей подругой, с которой вместе жила, и наняла себе отдельную квартиру на Арбате. Это все меня и Лилю очень смущает и тревожит, но мы не в силах разрушить эти чары. /.../ Роман Марины усиленно развивается и с такой неудержимой силой, которую ничем остановить нельзя. Ей придется перегореть в нем, и Аллах ведает, чем это завершится...» (2, с. 11).

На этот раз в Коктебеле Марина пишет мало. Создано несколько стихотворений с романтическим оттенком: «Какой-нибудь предок мой был скрипач...», «И всё вы идете в сестры...», «В первой любила ты...».

Этим летом Марина впервые встречается с Осипом Мандельштамом. Однако, встреча эта очень беглая, настоящего знакомство двух поэтов не состоялось. Это произойдет лишь в следующем, 1916 году в Петербурге.

Двадцать второго июля Марина с Парнок покидают Коктебель и едут в Малороссию. А всего через несколько дней в Коктебель приезжает Сергей Эфрон, который с марта 1915 года находился на фронте с санитарным поездом. Но, они с Мариной разминулись. 20 августа Цветаева возвращается в Москву (8, с. 80-81).

1916 год Марина встречает в Петрограде. После своей поездки она пишет целый поток стихов к Александру Блоку. Прежде всего, в апреле – мае 1916 года.

В мае Цветаева с мужем и дочерью ненадолго приезжают в Коктебель, чтобы передохнуть. В это время там также находится Вера Эфрон.

Свое последнее в 1916 году стихотворение к Блоку Марина пишет именно здесь. Оно датировано 18 мая 1916 года (8, с. 95):

*И тучи оводов вокруг равнодушных кляч,
И ветром вздутый калужский родной кумач,
И посвист перепелов, и большое небо,
И волны колоколов над волнами хлеба,
И толк о немце, доколе не надоест,
И желтый-желтый – за синюю роцей – крест,
И сладкий жар, и такое на всем сиянье,
И имя твое, звучащее словно: ангел.*

19 мая Сергей пишет Лиле: «Дачники еще не съехались, и Коктебель, пустынен и прекрасен. /.../ Пьем чай и обедаем все вместе. Сверху спускается Пра со своей яркосиней чашкой и в рыжем кафтане и начинает ругать творения “обормотов”: – То ли дело у меня! – Марина окружает себя собаками всех цветов радуги...» (8, с. 95-96).

Е. О. Волошина в отсутствие сына всячески заботится о своих гостях, в письмах к Лиле она беспокоится, в какой батальон попадет Сережа.

1. Революционный год. Письма к Волошину

1917 год в творчестве Марины можно назвать успешным. Она задумывает создать два сборника: 1-й – стихи 1917-1921 годов, который она планирует назвать «Версты II». Центральной частью этого сборника является цикл «Дон Жуан». Параллельно с этим сборником в ее творчестве появляется отклик на актуальные события: Февральскую, Октябрьскую революции и Гражданскую войну. Это стихи 1917-20-х годов, составившие позднее сборник «Лебединый стан» – некий лирический дневник, выражающий надежды, чувства и переживания главной героини. Помимо поэзии Марина Ивановна в 1917 году пишет и прозу.

Очень точно о творчестве Марины высказался Макс Волошин: «Марина, ты сама себе вредишь избытком. В тебе материал десяти поэтов, и всех замечательных...» (5, с. 122-123).

Сережа заканчивает свое учение в школе прапорщиков. Он мечтает, чтобы его назначили в Кавказские корпуса «или в ударный батальон. Ни в коем случае не дам себя на съедение тыловым солдатам. При моей горячности – это гибель». Однако, на фронт Сергей Яковлевич не попадает, его назначают прапорщиком десятой роты пятьдесят шестого запасного пехотного полка в Москве. 9 августа он пишет Максиму: «Пехота не по моим силам, от одного обучения солдат устаю до тошноты...».

Тогда Марина просит Максима, чтобы тот похлопотал и помог Сергею устроиться в артиллерию, на юг. Сама Марина тоже бы с радостью уехала в это беспокойное время из Москвы, куда-нибудь, где есть ее хорошие знакомые (8, с. 125).

После большого перерыва в корреспонденции Марины и Волошина (из того, что сохранилось на сегодняшний день), в своем следующем письме от 7-го августа 1917 года Марина пишет: «Дорогой Макс, у меня к тебе огромная просьба: устрой Сережу в артиллерию, на юг. (Через генерала Маркса?) Лучше всего в крепостную артиллерию, если это невозможно – в тяжелую. (Сначала говори о крепостной. Лучше всего бы – в

Севастополь). Сейчас Сережа в Москве, в 56 пехотном запасном полку. Лицо, к которому ты обратишься, само укажет тебе на форму перехода. Только, Макс, умоляю тебя – не откладывай. Пишу с согласия Сережи. Жду ответа. Целую тебя и Пра» (7, с. 59-60).

Уже через два дня после этого письма, она ему посылает следующее, где опять-таки, хлопчет о муже, описывает свой тогдашний московский быт: «Милый Макс, оказывается – надо сделать поправку. Сережа говорит, что в крепостной артиллерии слишком безопасно, что он хочет в тяжелую (я о крепостной написала тебе с чужих слов, не знала разницы (примеч. М. Цветаевой)). Если ты еще ничего не предпринимал, говори – в тяжелую, если дело уже сделано и неловко менять – оставь так, как есть. Значит, судьба. Сереже очень хочется в Феодосию, он говорит, что там есть тяжелая артиллерия. Милый Макс, если можно – не откладывай, я в постоянном страхе за Сережину судьбу. – И во всяком случае тяжелая артиллерия где бы то ни было лучше пехоты. Скажи Пра, что я только что получила ее письмо, что завтра же ей отвечу, поблагодари ее. Сегодня у меня очень занятой день, всё мелочи жизни. В Москве безумно трудно жить, как я бы хотела перебраться в Феодосию! – Устрой, Макс, Сережу, прошу тебя, как могу. /.../ – Макс! Ты может быть думаешь, что я дура, сама не знаю, чего хочу, – я просто не знала разницы, теперь я уже ничего менять не буду. Но если дело начато – оставь, как есть. Полагаюсь на судьбу. Сережа сам бы тебе написал, но он с утра до вечера на Ходынке, учит солдат, или дежурит в Кремле. Так устает, что даже говорить не может» (7, с. 60-61).

В этом же письме Сергей приписывает от себя: «Милый Макс, ужасно хочу, если не Коктебель, то хоть в окрестности Феодосии. Прошу об артиллерии (легкая ли, тяжелая ли – безразлично), потому что пехота не по моим силам. Уже сейчас – сравнительно в хороших условиях – от одного обучения солдат – устаю до тошноты и головокружения. По моим сведениям – в окрестностях Феодосии артиллерия должна быть. А если в окрестностях Феодосии нельзя, то куда-нибудь в Крым – ближе к Муратову или Богаевскому. /.../ Буду ждать твоего ответа, чтобы в случае неудачи предпринять что-либо иное. Но все иное менее желательно – хочу в Феодосию!».

Марина пишет Волошину и о своем скором приезде в Феодосию, благодарит его за стихи: «Дорогой Макс, я еду с детьми в Феодосию. В Москве голод и – скоро – холод, все уговаривают ехать. Значит, скоро увидимся. Милый Макс, спасибо за письмо и стихи. У меня как раз был Бальмонт, вместе читали. Макс, необходимо употребить твой последний ход (М. Волошиным в письме от 13 августа 1917 г. предлагал обратиться к Б.

В. Савинкову, в то время назначенному помощником военного министра Временного правительства), п. ч. в Москве переход из одной части в другую воспрещен. Но с твоим ходом это вполне возможно. Причина: здоровье. Сережа – блестящее подтверждение. Макс, поцелуй за меня Пра, скоро увидимся. Пишу Асе, чтоб искала мне квартиру. Недели через 2 буду в Феодосии» (24 августа 1917) (7, с. 61);

«Дорогой Макс, убеди Сережу взять отпуск и поехать в Коктебель. Он этим бредит, но сейчас у него какое-то расслабление воли, никак не может решиться. Чувствует он себя отвратительно, в Москве сыро, промозгло, голодно. Отпуск ему, конечно, дадут. Напиши ему, Максинька! Тогда и я поеду, – в Феодосию, с детьми. А то я боюсь оставлять его здесь в таком сомнительном состоянии. Я страшно устала, дошла до того, что пишу открытки. Просыпаюсь с душевной тошнотой, день как гора. Целую тебя и Пра. Напиши Сереже, а то – боюсь – поезда встанут» (25 августа 1917) (7, с. 62).

Приехала она в Феодосию осенью 1917 года, одна, детей оставив на попечение сестер мужа и прислуги. Сергей Яковлевич, чувствуя приближение революции, решает остаться в Москве, в Крыму ему, в это беспокойное время, по его словам, было бы невыносимо. Он хочет сражаться за свою Россию.

На этот раз в Феодосии Марина пишет очень мало. Позже, в 1939 году она вспомнит: «Такой перерыв, – гостила на юге, в имении (абрикосовое дерево) и все время была на людях – и очень радовалась – и стихи в себе просто заперла».

Зато Макс Волошин в 1917 году пишет цикл стихов «Неопалимая купина», посвященный войне и революции. В этом есть подцикл из двух сонетов, посвященных Марине, и составивших маленький цикл «Две ступени» (11):

Две ступени

Марине Цветаевой

1. Взятие Бастилии (14 июля)

«14 juillet 1789. – Riens».

Journal de Louis XVI

Бурлит Сент-Антуан. Шумит Пале-Рояль.

В ушах звенит призыв Камиля Демулена.

Народный гнев растет, взметаясь ввысь, как пена.

Стреляют. Бьют в набат. В дыму сверкает сталь.

*Бастилия взята. Предместья торжествуют.
На пиках головы Бертье и де Лоней.
И победители, расчистив от камней
Площадку, ставят столб и надпись: «Здесь танцуют».*

*Король охотился с утра в лесах Марли.
Борзые подняли оленя. Но пришли
Известья, что мятеж в Париже. Помешали...*

*Сорвали даром лов. К чему? Из-за чего?
Не в духе лёг. Не спал. И записал в журнале:
«Четырнадцатого июля. – Ни-че-го».*

(12 декабря 1917)

2. Взятие Тюильри (10 августа 1792 г.)

*«Je me manque deux batteries pour balayer toute cette canaille la».
(Мемуары Бурьенна. Слова Бонапарта)*

*Париж в огне. Король низложен с трона.
Швейцарцы перерезаны. Народ
Изверился в вождях, казнит и жжёт.
И Лафайет объявлен вне закона.*

*Марат в бреду и страшен, как Горгона.
Невидим Робеспьер. Жиронда ждет.
В садах у Тюильри водоворот
Взметенных толп и львиный зев Дантона.*

*А офицер, незнаемый никем,
Глядит с презреньем – холоден и нем –
На буйных толп бессмысленную толочь,*

*И, слушая их исступленный вой,
Досадует, что нету под рукой
Двух батарей «рассеять эту сволочь».*

(21 ноября 1917, Коктебель)

В Коктебеле у Макса Марина встречается с Ильей Эренбургом, который приехал к Волошину на три дня. Первая встреча с ним состоялась тремя месяцами ранее. О ней она писала Волошину в письме от 9 августа. И в первый и во второй раз Эренбург на Цветаеву впечатления не произвел. На юге, помимо Марины, уже жило целое поселение беженцев из Москвы и Петрограда. Все они всегда могли рассчитывать на гостеприимство Макса и Елены Оттобальдовны. Здесь находилась Майя Кудашева, актриса М. И. Кузнецова, Анастасия Цветаева с сыном Андреем.

Роковую ночь с 24-е на 25-е октября Марина Ивановна проводит на юге, без семьи. С величайшей скорбью она наблюдает разруху, сотворенную солдатами, предчувствует что в скором времени ожидает ее страну.

31-го октября Марина едет в Москву, а оттуда, в этот же день, сразу же обратно в Феодосию, на этот раз с мужем. Макс Волошин очень рад видеть своего друга живым. Однако, он прозорливо предсказывает будущее своей страны, которое далеко не оптимистично: «А теперь, Сережа, будет то-то... И вкрадчиво, почти радуясь, как добрый колдун детям, картину за картиной – всю русскую революцию на пять лет вперед: террор, гражданская война, расстрелы, Вандея, озверение, потеря лица, раскрепощение духа стихии, кровь, кровь, кровь...» («Живое о живом»).

Три недели они здесь проводят в относительной изоляции от всех, захвативших Россию, событий. В Крыму все относительно спокойно, татары живут, как жили столетиями. Тогда Марина принимает решение поехать за детьми, потом перезимовать в Коктебеле с Максом и Пра. Но, Волошин ее все-таки предостерегает: «Марина, только очень торопись, помни, что теперь будет две страны: Север и Юг!» (5, с. 127-130).

Итак, 25 ноября Марина снова вынуждена покинуть Крым и ехать в Москву, там она намерена решить как быть дальше. Продолжительные путешествия в поездах тоже не остаются без художественного воплощения. Именно в это время в творчество Марины начинают проникать элементы народной русской молвы, эмоционально-окрашенных говоров. Все эти наблюдения позже выльются в грандиозные поэмы-сказки: «Царь-девица», «Егорушка», «Молодец».

Также именно в это время рождается Цветаева-прозаик: она пишет очерк «Октябрь в вагоне» (5, с. 130).

В Москве, после долгого перерыва, Марина снова начинает писать стихи. Одно из них, датированное третьим декабря, описывает феодосийский октябрьский «винный бунт» (о котором она подробнее писала в письме от 19 октября): «Ночь. – Норд Ост. – Рев солдат. – Рев волн». Еще одно стихотворение, написанное на следующий день, снова описывает события Октября, вместе с этим появляется сильная духом героиня, готовая противостоять окружающему ее хаосу, бороться с несправедливостью. В данном стихотворении снова появляется образ вина, запомнившегося по событиям в Феодосии:

*Плохо сильным и богатым,
Тяжко барскому плечу.
А вот я перед солдатом
Светлых глаз не опушу.*

*Город буйствует и стонет,
В винном облаке – луна.
А меня никто не тронет:
Я надменна и бедна.*

Эти стихи Цветаева сознательно датирует не декабрем месяцем, а: «Феодосия, последние дни Октября», «Феодосия, конец Октября». Эта поправка была ею сделана в 1938 году, когда она эти стихи переписывала для книги «Лебединый стан» (8, с. 134).

Обратное путешествие из Москвы в Крым уже невозможно. Фронт между «красными» и «белыми» разделяет страну на Север и Юг, как и предсказывал Волошин. Сережа в это время уехал на Дон. С этого момента семья Эфронов будет на несколько лет разорвана.

2. Последние письма к Волошину и Пра. Потеря связи с Сергеем Эфроном

Даже переписка с мужем становится почти невозможной. Марина рада каждой весточке о Сереже. Писать у него получалось не часто, сохранилось, например его письмо в Волошину и его матери.

И здесь Макс был неким посредником, передавал Марине информацию, все новости, касающиеся Сережи. 12 мая 1918 года Эфрон писал Волошину: «Дорогие Пра и Макс, только что вернулся из Армии, с которой совершил фантастический тысячеверстный поход. Я жив и даже не ранен, – это невероятная удача, потому что от ядра корниловской Армии почти ничего не осталось. /.../ Я потерял всякую связь с Мариной и сестрами, уверен, что они меня давно похоронили, и эта уверенность не дает мне покоя. Пользовался всяким случаем, чтобы дать знать о себе, но все случаи были очень сомнительны. Пра, дорогая, громадная просьба к Вам – выдумайте с Максом какой-нибудь способ известить Марину и сестер, что я жив. Боюсь подумать о том, как они перемучились это время...».

Он описывает Максиму их военные походы, тяжелые условия, недостаток сна, пишет о постоянной угрозе их жизням. В его письме звучит также и неуверенность в том, что будет завтра, сомнения в необходимости кровопролития: «Наше положение сейчас трудное – что делать? Куда идти? Неужели все жертвы принесены даром? Страшно подумать, если это так...» (8, с. 143).

Сергей через какое-то время едет в Коктебель к Максиму и Пру, где проводит пять месяцев. Оттуда он Марине посылает не менее пятнадцати писем, но ни одно из них, скорее всего, не дошло. Все это время он здесь ожидает Марину с Алей, но, его просьбы приехать до них не доходят. Посылает он еще одно письмо из Коктебеля, датированное 26 октября 1918 года, которое Марина тоже не прочитает и которое останется в архиве Волошина: «...Макс Вам все расскажет о моей жизни в Коктебеле. Он мне очень помог во время моего пребывания здесь... Макс и Пра были для меня как родные... Теперь о главном. Мариночка, – знайте, что Ваше имя я крепко ношу в сердце, что бы ни было – я Ваш вечный и верный друг. Так обо мне всегда и думайте. Моя последняя и самая большая просьба к Вам – живите. Не отравляйте свои дни излишними волнениями и ненужной болью. Все образуется и все будет хорошо...» (8, с. 151).

В ноябре 1920 года армия Врангеля в Крыму была окончательно разбита и Сергей вынужден был бежать в Константинополь (8, с. 227). После этого связь с ним надолго теряется. Марина не находит себе места, судьба ее мужа неизвестна: она не знает, жив он, или нет. После почти трехлетнего перерыва, Цветаева получает письмо от Волошина, в Москву его привез Е. Л. Ланн, знакомый Аси. Сам он только что приехал из Коктебеля. «Это первая – прежняя! – радость, первой Пасхой от человека за три года», – пишет Марина своей сестре.

«Вести из Коктебеля неутешительны: осуществилось все, что с самого начала предсказывал Макс. Крым переходил из рук в руки; жители Коктебеля пережили весь террор и насилие со стороны обеих враждующих сторон. Макс защищал красных от белых и белых от красных – геройские поступки во имя человеколюбия. После окончания военных действий царила страшная нужда и голод» (5, с. 153-154).

21 (русского) ноября 1920 года Марине кое-как удается послать письмо в Коктебель. Она просит Макса намеками, полужазами, дать знать, известно ли ему о судьбе Сережи: «...Дорогой Макс, умоляю тебя, дай мне знать, – места себе не нахожу, – каждый стук в дверь повергает меня в ледяной ужас, – ради Бога!!! Не пишу, потому что не знаю, где и как и можно ли. /.../ Макс! Заклинаю тебя – с первой возможностью – дай знать, не знаю, какие слова найти. Очень спешу, пишу в Тео – (Театральный отдел Народного комиссариата просвещения) – среди шума и гама – случайно узнала от Эренбурга, что есть оказия на юг» (7, с. 62-63).

В этом же письме Марина вкратце описывает свою московскую жизнь, пишет о том, что она написала за это время: «Я много пишу. Последняя вещь – большая – Царь-Девица. В Москве азартная жизнь, всяческие страсти. Гощу повсюду, не связана ни с кем и ни с чем. Луначарский – всем говори! – чудесен. Настоящий рыцарь и человек».

Марина бы и рада уехать на юг, но: «Не трогаюсь в путь, потому что не знаю, что меня ждет. Жду вестей».

Если Сергей жив, то только в Москве он ее может найти. Еще одно письмо на юг посылает Аля. В нем она описывает их с Мариной московский быт, повсеместную разруху и, конечно же, тоже надеется на весточку об отце: «Наш дом весь разломанный и платья все старые. Но мы утешаемся стихами, чтением и хорошей погодой, а главное – мечтой о Крыме, куда мы так давно и так напрасно рвемся. /.../ Дорогая Пра, мы все ждем вестей, так хочется ехать. /.../ Если мой дорогой Лев (мартыха) у вас, поцелуйте его за меня и за маму. Я все надеюсь и молюсь...» (8, с. 227).

Одно из последних писем Марины к Волошину написано из Москвы, 14-го русского марта 1921 года. Очень подробно она здесь описывает последние свои работы, общих знакомых, их жизнь, литературную Москву. Многие ее хорошие друзья и знакомые постепенно покидают город, Марина себя чувствует одинокой, ей почти не с кем по-настоящему поговорить.

«Обо мне ты уже наверное знаешь от Аси, повторяю вкратце: бешено пишу, это моя жизнь. За эти годы, кроме нескольких книг стихов, пьесы: “Червонный Валет” (из жизни карт), “Метель” (новогодняя харчевня в Богемии, 1830 г. – случайные),

“Приключение” (Казанова и Генриэтта), “Фортуна” (Лозэн-младший и все женщины), “Конец Казановы” (Казанова 73 лет и дворня, Казанова 73 лет – и знать, Казанова 73 лет – и девочка 13 лет. Последняя ночь Казановы и столетия). – Две поэмы: “Царь-Девушка” – огромная – вся сказочная Русь и вся русская я, “На красном коне” (Всадник, конь красный как на иконах) и теперь “Егорушка” – русский Егорий Храбрый, крестьянский сын, моя последняя страсть. – Вся довременная Русь. – Эпопея. Это моя главная жизнь. О людях – при встрече. Много низости. Сережа в моей жизни – как сон. /.../ – Москва пайковая, деловая, бытовая, заборы сняты, грязная, купола в Кремле черные, на них вороны, все ходят в защитном, на каждом шагу клуб – студия, – театр и танец пожирают всё. – Но – свободно, – можно жить, ничего не зная, если только не замечать бытовых бед. Я, Макс, уже ничего больше не люблю, ни-че-го, кроме содержания человеческой грудной клетки. О Сереже думаю всечасно, любила многих, никого не любила» (7, с. 63-64).

«Осенью 1921 года Волошину удается уведомить сестер Цветаевых об отчаянном положении, в котором, через год после окончания Гражданской войны, находились писатели в Коктебеле: сестры Герцык были почти при смерти от голода». Марина и Ася сейчас же бросаются на помощь. В Москве, среди своих знакомых они организуют общество спасения бедствующих (5, с. 165).

Вот несколько отрывков из последнего, дошедшего до нас, письма Марины к Максимилиану Волошину: «Мой дорогой Макс! Оказия в Крым! Сразу всполошилась, бросила все дела, пишу. Во-первых, долг благодарности и дань восторга – низкий поклон тебе за Сережу (*То есть за сведения о С. Эфроне и за то, что М. Волошин укрывал его в своем доме от красных во время гражданской войны* (7, с. 79)). 18-го января 1922 г. (через два месяца) будет четыре года, как я его не видела. И ждала его именно таким. Он похож на мою мысль, поэтому – портрет точен. Это моя главная радость, лучшее, что имею, уеду – увезу, умру – возьму».

В этом большом письме Марина очень подробно описывает свой поход в Кремль. Там Марина пишет бумагу в защиту крымской интеллигенции и писателей: «Бумаги нет, чернил тоже. Пишу на чем-то оберточном, собственным карандашом. Доклад, ввиду краткости, слегка напоминающий декрет: бонапартовский, в Египте. Волькенштейн (муж Сони) через плечо подсказывает. Я злюсь. – “Соню! Соню-то!”. Я: – “А чччерт! Мне Макс важней!”. – “Но Софья Яковлевна – женщина и моя бывшая жена!”. – “Но Макс тоже женщина и мой настоящий (*indicatif present* [фр. указательное настоящее время]) друг!”. Пишу про всех, отдельно Судак и отдельно Коктебель. Дорвалась, наконец, до

Вас с Пра: “больные, одни в пустом доме”... – и вдруг иронический шип Волькенштейна: “Вы хотите, чтоб их уплотнили? Если так, Вы на верном пути!”. Опомнившись, превращаю эти пять слов в тайнопись».

Волошину Марина подробно описывает свою встречу с Луначарским и какое он на нее произвел впечатление, пишет об их общих знакомых, о Сереже: «Я вообще закаменела, состояние ангела и памятника, очень издалека. Единственное мое живое (болевое) место – это Сережа (Аля – тот же Сережа). Для других (а все – другие!) делаю, что могу, но безучастно. Люблю только 1911 год – и сейчас, 1920 год (тоску по Сереже – весть – всю эпопею!). Этих 10-ти лет как не было, ни одной привязанности. Узнаешь из стихов. Любимейшие послать не решаюсь, их увез к Сереже – Эренбург. /.../ О литераторах и литературе я тебе уже писала. Та же торговля. А когда не торгующие (хотя и сидящие за прилавком), как Бердяев, открывают рот, чтоб произнести слово “Бог”, у меня всю внутренность сводит от скуки, не потому, что “Бог”, а потому, что мертвый Бог, не растущий, не воинствующий, тот же, что, скажем, в 1903 году, – Бог литературных сборищ. /.../ Завтра отправляю письмо Сереже, буду писать о тебе. Писала ли я тебе в прошлый раз (письмо с Миндлиным) о большой любви Сережи к тебе и Пра: “Мои наезды в Коктебель были единственной радостью всех этих лет, с Максом и Пра я совсем сроднился”. Спасибо тебе, Макс, за Сережу – за 1911 год и 1920 год! Какова будет наша следующая встреча? Думаю, не в России. Хочешь в Париже? На моей Rue Bonaparte? (фр. Улица Бонапарта) /.../ Поцелуй за меня Пра, прочти ей мое письмо, не пишу ей отдельно, потому что нет времени, поздно предупредили. Будь уверен, милый Макс, что неустанно с Асей будем измышлять всякие способы помочь Вам с Пра. Живя словом, презираю слова. Дружба – дело. Обнимаю и целую тебя и Пра» (7, с. 65-67).

Но, к сожалению, Марина с Максом уже никогда не увидятся, и в Крыму Марина с Сережей больше не побывают. С 1922 года по 1939 год Марина Ивановна Цветаева будет находиться в эмиграции.

VI

Максимилиан Волошин в творчестве Цветаевой

Помимо вышеописанных стихотворений, которые Марина Ивановна посвящала Волошину (а также цикл «Ici-Naut» из пяти стихотворений, 1932), в этой главе особое внимание хотелось бы уделить большому очерку Цветаевой, полностью посвященному Максимилиану Александровичу – «Живое о живом». Очерк был написан ею во Франции, вскоре после известия о смерти Волошина, в 1932 году.

В данной работе Цветаева подробно описывает их первую встречу в Москве, ее приезд в Коктебель, в гости к Волошину и его матери. Марина Ивановна здесь пишет и о Елене Оттобальдовне Волошине («Пра»), ее молодости, детстве Макса. Особое место она отводит и их общим знакомым, связанным с ними историям, мистификациям Макса.

В этой главе мы прежде всего сосредоточимся на человеческой характеристике, которую дает Цветаева Волошину. Это поможет ближе взглянуть на личность Максимилиана Александровича и, соответственно, его человеческое влияние на Марину Цветаеву. Взятые из «Живого о живом» отрывки должны это проиллюстрировать:

«Поэту всегда пора и всегда рано умирать, и с возрастными годами жизни он связан меньше, чем с временами года и часами дня» /.../. Этим Марина Ивановна выражает свое несогласие со смертью поэта в принципе. Волошин для Цветаевой продолжает свою жизнь.

«Творчество Волошина – плотное, весомое, почти что творчество самой материи, с силами, не нисходящими свыше, а подаваемыми той – мало насквозь прогретой, – сожженной, сухой, как кремль, землей, по которой он так много ходил и под которой ныне лежит. Ибо этот грузный, почти баснословно грузный человек (“семь пудов мужской красоты”, как он скромно оповещал) был необычайный ходок, и жилистые ноги в сандалиях носили его так же легко и заносили так же высоко, как козьи ножки – козочек. Неутомимый ходок. Ненасытный ходок. Сколько раз – он и я – по звенящим от засухи тропкам, или вовсе без тропок, по хребтам, в самый полдень, с непокрытыми головами, без палок, без помощи рук, с камнем во рту (говорят, отбивает жажду, но жажду беседы он у нас не отбивал), итак, с камнем во рту, но, несмотря на камень во рту и несмотря на постоянную совместность – как только свидевшиеся друзья – в непрерывности беседы и ходьбы – часами – годами – все вверх, все вверх. Пот лил и

высыхал, нет, высыхал, не успев пролиться, беседа не пересыхала – он был неутомимый собеседник, то есть тот же ходок по дорогам мысли и слова. Рожденный пешеход. И такой же лазун» /.../. Так, сравнивая творчество Волошина с землей, материей, Цветаева тем самым подчеркивает вечность и непреходящую силу его работ, самого Макса.

Очень выразительно Марина Ивановна описывает свою первую встречу с Волошиным в Москве, каким он ей тогда запомнился:

«И вот беседа – о том, что пишу, как пишу, что люблю, как люблю – полная отдача другому, вникание, проникновение, глаз не сводя с лица и души другого – и каких глаз: светлых почти добела, острых почти до боли (так слезы выступают, когда глядишь на сильный свет, только здесь свет глядит на тебя), не глаз, а сверл, глаз действительно – прозорливых. И оттого, что не больших, только больше видящих – и видных» /.../.

Очень интересно Цветаева характеризует Максимилиана Александровича в отношениях с другими поэтами и поэтессами. Она восхищается его искреннему сопереживанию, проживанию их творчества:

«Макс в жизни женщин и поэтов был providentiel (фр. Ниспосланным провидением, провидцем), когда же это, как в случае Черубины, Аделаиды Терцык и моем, сливалось, когда женщина оказывалась поэтом или, что вернее, поэт – женщиной, его дружбе, бережности, терпению, вниманию, поклонению и сотворчеству не было конца. Это был прежде всего человек событийный. Как вся его душа – прежде всего – сосуществование, которое иные, не глубоко глядящие, называли мозаикой, а любители ученых терминов – эклектизмом. То единство, в котором было все, и то все, которое было единством» /.../.

«Он, такой женственный в жизни, в поэзии своей – целиком мужественен, то есть голова и пять чувств, из которых больше всего – зрение. Поэт – живописец и ваятель, поэт – мирозерцатель» /.../.

«Сосуществование поэта с поэтом – равенство известного с неизвестным. Я сама тому живой пример, ибо никто никогда с такой благоговейной бережностью не относился к моим так называемым зрелым стихам, как тридцатилетний М. В. к моим шестнадцатилетним. Так люди считаются только с патентованным, для них – из-за большинства голосов славы – несомненным. Ни в чем и никогда М.В. не дал мне почувствовать преимуществ своего опыта, не говоря уже об имени. Он меня любил и за мои промахи. Как всякого, кто чем-то был. Ничего от мэтра (а времена были сильно мэтровые!), всё от спутника. Могу сказать, что он стихи любил совершенно так, как я, то

есть как если бы сам их никогда не писал, всей силой безнадежной любви к недоступной силе. И, одновременно, всякий хороший стих слушал, как свой. Всякая хорошая строка была ему личным даром, как любящему природу – солнечный луч» /.../. В этих строках чувствуется вся благодарность Цветаевой Волошину, признательность за то, что, несмотря на разницу в возрасте, свое тогдашнее положение, он сумел разглядеть в юной девушке настоящего поэта, всегда был с ней наравне.

«Я о Максе рассказываю совершенно так же, как Макс о тех, кого любил, и я о Максе – нынче, совершенно так же, как о Максе – вчера, то есть с живой любовью, улыбки не только не боящейся, но часто ее ищущей – как отвода и разряда» /.../.

Со многими выдающимися людьми успел Волошин познакомиться Цветаеву. Благодаря ему завязывались долгие и крепкие дружбы:

«Одно из жизненных призваний Макса было сводить людей, творить встречи и судьбы. Бескорыстно, ибо случалось, что двое, им сведенные, скоро и надолго забывали его. К его собственному определению себя как коробейника идей могу прибавить и коробейника друзей. Убедившись сейчас, за жизнь, как люди на друзей скупы (почти как на деньги: убудет! мне меньше останется!), насколько все и всех хотят для себя, ничего для другого, насколько страх потерять в людях сильнее радости дать, не могу не настаивать на этом рожденном Максином свойстве: щедрости на самое дорогое, прямо обратной ревности. /.../ Да, ревности в нем не было никакой – никогда, кроме рвения к богатству ближнего – бывшего всегда. Он так же давал, как другие берут. С жадностью. Давал, как отдавал. Он и свой коктебельский дом, таким трудом добытый, так выколоченный, такой заслуженный, такой его по духовному праву, кровный, внутренне свой, как бы с ним сорожденный, похожий на него больше, чем его гипсовый слепок, – не ощущал своим, физически своим. Комнаты (по смехотворной цене) сдавала Елена Оттобальдовна. Макс физически не мог сдавать комнат друзьям. Еще меньше – чужим. Этот человек, никогда ни перед кем ни за что ни в чем не стеснявшийся, в человеческих отношениях – плававший, стоял перед вами, как малый ребенок или как бык, опустив голову» /.../.

Также Марина Цветаева вспоминает и любовь Волошина к книгам, к этой своей особенной стихии:

«Зато море, степь, горы – три коктебельских стихии и собирательную четвертую – пространство, он ощущал так своими, как никакой кламарский рантье свой “павильон”. Полюнь он произносил как: моя. А Карадаг (название горы) просто как: я. Но одна физическая собственность, то есть собственность признания и физически, у него была:

книги. Здесь он был лют. И здесь, и единственно здесь – капризен, давал, что хотел, а не то, что хотел – ты» /.../.

«Давал, голубчик, но со вздохом, вздохом, который был еще слышен на последней ступеньке лестницы. Давал – все, давал – всем. Но сколько выпущенных из рук книг – столько побед над этой единственной из страстей собственничества, для меня священной: страстью к собственной книге. Святая жадность» /.../.

«Это была неразрывная пара (С. Е.: мать и сын), и вовсе не дружная пара. Вся мужественность, данная на двоих, пошла на мать, вся женственность – на сына, ибо элементарной мужественности в Максе не было никогда, как в Е. О. элементарной женственности. Если Макс позже являл чудеса бесстрашия и самоотверженности, то являл их человек и поэт, отнюдь не муж (воин). Являл в делах мира (перемирия), а не в делах войны» /.../. Миролобивость и человеколюбие Макса, его извечное противостояние злу, всегда подчеркивались Цветаевой.

« – Ты не понимаешь, Марина. Это совсем другой человек, чем ты, у него и для него иная мера. И по-своему он совершенно прав – так же, как ты – по-своему.

Вот это “прав по-своему” было первоосновой его жизни с людьми. Это не было ни мало-, ни равно-душие, утверждаю. Не малодушие, потому что всего, что в нем было, было много – или совсем не было, и не равнодушие, потому что у него в миг такого средостояния душа раздваивалась на целых и цельных две, он был одновременно тобою и твоим противником и еще собою, и все это страстно, это было не двоедушие, а вседушие, и не равнодушие, а некое равенство всего существа, то солнце полдня, которому все иначе и верно видно.

О расчете говорить нечего. Не став ни на чью сторону, или, что то же, став на обе, человек чаще осужден обеими. Ведь из довода: “он так же прав, как ты” – мы, кто бы мы ни были, слышим только: он прав и даже: он прав, когда, действительно, дело идет о нас, равенства в правоте нету. Не становясь на сторону мою или моего обидчика, или, что то же, становясь на сторону и его, и мою, он просто оставался на своей, которая была вне (поля действия и нашего зрения) – внутри него и *au-dessus de la mêlée* (фр. Над схваткой).

Ни один человек еще не судил солнце за то, что оно светит и другому, и даже Иисус Навин, остановивший солнце, остановил его и для врага. Человек и его враг для Макса составляли целое: мой враг для него был часть меня. Вражду он ощущал союзом.

Так он видел и германскую войну, и гражданскую войну, и меня с моим неизбывным врагом – всеми. Так можно видеть только сверху, никогда сбоку, никогда из

гуши. А так он видел не только чужую вражду, но и себя с тем, кто его мнил своим врагом, себя – его врагом. Вражда, как дружба, требует согласия (взаимности). Макс на вражду своего согласия не давал и этим человека разоружал. Он мог только противостоять человеку, только предстоянием своим он и мог противостоять человеку: злу, шедшему на него.

Думаю, что Макс просто не верил в зло, не доверял его якобы простоте и убедительности: “Не все так просто, друг Горацио...”. Зло для него было тьмой, бедой, напастью, гигантским недоразумением – *du bien mal entendu* (фр. Плохо понятым добром) – чьим-то извечным и нашим ежечасным недосмотром, часто – просто глупостью (в которую он верил) – прежде всего и после всего – слепостью, но никогда – злом. В этом смысле он был настоящим просветителем, гениальным окулистом. Зло – бельмо, под ним – добро.

Всякую занесенную для удара руку он, изумлением своим, превращал в опущенную, а бывало, и в протянутую» /.../.

«И будь то /.../ распря русских с немцами, или, еще позже, белых с красными. Макс неизменно стоял вне: за каждого и ни против кого. Он умел дружить с человеком и с его врагом, причем никто никогда не почувствовал его предателем, себя – преданным, причем каждый (вместе, как порознь) неизменно чувствовал всю исключительную его, М. В., преданность ему, ибо это – было. Его дело в жизни было – сводить, а не разводить, и знаю, от очевидцев, что он не одного красного с белым человечески свел, хотя бы на том, что каждого, в свой час, от другого спас» /.../.

«Миротворчество М. В. входило в его мифотворчество: мифа о великом, мудром и добром человеке.

Если каждого человека можно дать пластически, Макс – шар, совершенное видение шара: шар универсума, шар вечности, шар полдня, шар планеты, шар мяча, которым он отпрыгивал от земли (походка) и от собственника, чтобы снова даться ему в руки, шар шара живота, и молния, в минуты гнева, вылетающая из его белых глаз, была, сама видела, шаровая» /.../.

Волошин для Цветаевой и других людей, его окружающих, был неким мифом, имел тайну, всегда был загадкой:

«Макс принадлежал другому закону, чем человеческому, и мы, попадая в его орбиту, неизменно попадали в его закон. Макс сам был планета. И мы, крутившиеся вокруг него, в каком-то другом, большом круге, крутились совместно с ним вокруг светила, которого мы не знали.

Макс был знающий. У него была тайна, которой он не говорил. Это знали все, этой тайны не узнал никто. Она была в его белых, без улыбки, глазах, всегда без улыбки – при неизменной улыбке губ. Она была в нем, жила в нем, как постороннее для нас, однородное ему – тело. Не знаю, сумел ли бы он сам ее назвать. Его поднятый указательный палец: это не так! – с такой силой являл это так, что никто, так и не узнав этого так, в существовании его не сомневался» /.../.

«Макс был – земной монолит. Макс был именно обратным мозаике, то есть монолитом. Не составленным, а сорожденным. Это одно было создано из всего. По-настоящему сказать о Максе мог бы только геолог» /.../.

«Взлобье горы. Пишу и вижу: справа, ограничивая огромный коктебельский залив, скорее разлив, чем залив, – каменный профиль, уходящий в море. Максин профиль. Так его и звали. Чужие дачники, впрочем, попробовали было приписать этот профиль Пушкину, но ничего не вышло, из-за явного наличия широченной бороды, которой профиль и уходил в море. Кроме того, у Пушкина головка была маленькая, эта же голова явно принадлежала огромному телу, скрытому под всем Черным морем. Голова спящего великана или божества. Вечно купальщика, как залезшего, так и не вылезшего, а вылезшего бы – пустившего бы волну, смывшую бы все побережье. Пусть лучше такой лежит. Так профиль за Максом и остался» /.../ (см. фотографию в приложении с профилем Волошина).

Для Цветаевой Волошин больше, чем поэт. Он способен видеть сквозь время и пространство: «Тайновидчество поэта есть прежде всего очевидчество: внутренним оком – всех времен. Очевидец всех времен есть тайновидец. И никакой тут “тайны” нет» /.../.

«Его веское тело так же не давило землю, как его веская дружба – души друзей. А по скалам он лазил, как самая отчаянная коза. Его широкая ступня в сандалии держалась на уступе скалы только на честном слове доверия к этой скале, единстве с этой скалой» /.../.

Сравнивая Волошина со сказкой с хорошим концом, Цветаева наглядно показывает свое к нему теплое отношение:

«Макс же в быту был весь уют. И чувство, которое он вызывал даже в минуты гнева, был тот страх с улыбкой, сознание, что хорошо кончится, которое неизменно возбуждают в нас все гриммовские великаны и никогда не возбудит Кашей или другое какое родное чудовище. Ибо гнев Макса – как гнев божества и ребенка – мог неожиданно кончиться смехом – дугой радуги! /.../ Макс был сказка с хорошим концом» /.../.

«Макс о событиях рассказывал, как народ, а об отдельных людях, как о народах. Точность его живописания для меня всегда была вне сомнения, как несомненна точность всякого эпоса» /.../.

«Острый глаз Макса на человека был собирательным стеклом, собирательным – значит зажигательным. Все, что было своего, то есть творческого, в человеке, разгоралось и разрасталось в посильный костер и сад. Ни одного человека Макс – знанием, опытом, дарованием – не задавил. Он, ненасытностью на настоящее, заставлял человека быть самим собой. “Когда мне нужен я – я уйду, если я к тебе прихожу – значит, мне нужен ты”» /.../. Так Цветаева описывает ненасытное внимание Волошина к людям, готовность им отдать всего себя.

«Все, что могло тогда понравиться мне. Макс мне приволакивал как добычу. В зубах. Как медведь медвежонку. У Макса для всякого возраста был свой облик. Моему, тогда, почти детству он предстал волшебником и медведем, моей, ныне – зрелости или как это называется – он предстает мифотворцем, миротворцем и миротворцем. Все Макс давал своим друзьям, кроме непрерывности своего присутствия, которое, при несчетности его дружб, уже было бы вездесущим, то есть физической невозможностью. Из сказок, мне помнится, Макс больше всего любил звериные, самые старые, сказки прародины, иносказания – притчи. Но об отдельной любви к сказке можно говорить в случае, когда существует не-сказка. Для Макса не-сказки не было, и он из какой-нибудь лисьей истории так же легко переходил к случаю из собственной жизни, как та же лиса из лесу в нору» /.../.

«Он сам был из сказки, сам был сказка, сама сказка, и, закрепляя этот его облик, я делаю то же, что все собиратели сказок, с той разницей, что собиратели записывают слышанную, я же виденную и совместно с Максом: житую: vécuе (фр. Пережитую)» /.../.

«Прочность его дружб, без сносу, срок его дружб, бессрочных, его глубочайшая человеческая верность, тщательность изучения души другого были явно германские. Друг он был из Страны Друзей, то есть Германии» /.../. В своем очерке Марина пишет, что Волошин своей природой близок не только славянскому народу, но и германской крови.

«Важнее и неисследимее жизни с людьми жизнь человека без людей – с миром, с собой, с Богом, жизнь внутри. Тут я смело утверждаю германство Макса. Глубочайший его пантеизм: всебожественность, всебожие, всюдубожие, – шедший от него лучами с такой силой, что самого его, а по соседству и нас с ним» /.../.

Мистическая сущность Волошина, его просвещенность, теперь навсегда останутся с ним:

«Это был – скрытый мистик, то есть истый мистик, тайный ученик тайного учения о тайном. Мистик – мало скрытый – зарытый. Никогда ни одного слова через порог его столь щедрых, от избытка сердца глаголящих уст. Из этого заключаю, что он был посвященный. Эта его сущность, действительно, зарыта вместе с ним» /.../.

«Макса Волошина в Революцию дам двумя словами: он спасал красных от белых и белых от красных, вернее, красного от белых и белого от красных, то есть человека от своры, одного от всех, побежденного от победителей. Знаю еще, что его стихи “Матрос” ходили в правительственных листовках на обоих фронтах, из чего вывод, что матрос его был не красный матрос и не белый матрос, а морской матрос, черноморский матрос.

И как матрос его – настоящий матрос, так поэт он – настоящий поэт, и человек – настоящий человек, по всем счетам, то есть по единственному счету внутренней необходимости – плативший» /.../. Так, в свое время, и мужа Цветаевой, Сергея Эфрона, Волошин спас в годы Гражданской войны.

«Этого человека чудесно хватило на все, все самое обратное, все взаимно-исключающееся, как: отшельничество – общение, радость жизни – подвижничество. Скажу образно: он был тот самый святой, к которому на скалу, которая была им же, прибегал полечить лапу больной кентавр, который был им же, под солнцем, которое было им же.

На одно только его не хватило, вернее, одно только его не захватило: партийность, вещь заведомо не человеческая, не животная и не божественная, уничтожающая в человеке и человека, и животное, и божество» /.../.

«И последнее мое о тебе, от тебя, озарение: те сердолики, которые ты так тщательно из груды простых камней, десятилетиями подряд вылавливал, — каждый зная в лицо и каждый любя больше всех, – Макс, разве не то ты, десятилетия подряд, делал с нами, из каждой груды – серой груды простых камней – неизбежно извлекая тот, которому цены нет! И последнее о тебе откровение: лик твоего сердца: сердолик!» /.../.

В этом последнем признании заключена огромная благодарность за все годы дружбы, благодарность Волошину за него самого.

«В каждом из нас живет божественное мерило правды, только перед коей прегрешив человек является лжецом» /.../ (4, с. 800-836).

Заключение

Необходимо еще раз подчеркнуть огромное влияние Максимилиана Волошина на судьбу Марины Цветаевой. Он был первый, кто по-настоящему «открыл» ее как поэта, увидел в ней, несмотря на юность, настоящего русского поэта. Никогда так не важно слово критика, оценщика твоего творчества, как в самом начале. Именно первые отзывы о творчестве решают дальнейшие судьбы поэтов: или утверждают в них талант, или косвенным образом отговаривают от дальнейшего творчества. Волошин в 1910-е годы был уже известным поэтом, к чьему мнению прислушивались современники. Поэтому, искреннее мнение такого критика не могло не оставить следа в жизни и творчестве такого поэта как Марина Цветаева. Все первое всегда запоминается на всю жизнь. В данном случае – первая книга стихов и первая о ней рецензия в прессе, одного из первых поэтов того времени.

Еще раньше, до выхода статьи в свет, Волошин посвятил Марине стихотворение, на второй день после их знакомства. В нем одновременно выступает и критик, и поэт, и обычный смертный: «К вам душа так радостно влекома», «ваших слов касания благие И стихи, крылатый взмах качель Убаюкивают боль...», «ваша книга – это весть оттуда, утренняя благостная весть. Я давно уж не приемлю чуда, Но как сладко слышать: чудо – есть!».

Этими последними двумя словами Макс выразил гораздо больше, чем в критической статье.

Дружба с Волошиным дарит Марине и поэта, и отличного друга, и неутомимого скитальца по крымским горам, великого мистификатора. Она обретает сразу все в одном флаконе. А вдобавок к этому, Макс ее знакомит еще с новыми и новыми людьми – талантливыми поэтами, писателями, художниками. Кто только не гостил тогда в доме Волошина.

Когда-то, в одном из своих писем, Марина сказала замечательную фразу, что друг – это дело. Этой цветаевской формуле, окончательной истине, полностью соответствовал Макс Волошин. Даже в самое трудное для семьи Эфронов время, он не оставил их, всячески поддерживал, хотя бы просто добрым словом. Сергея он в свое время прятал в своем доме от красных; Марине давал знать, известно ли ему что-либо о судьбе Сергея Яковлевича. Выступая в некотором роде посредником, он тем самым показывал свою дружбу именно на деле.

Влияние Крыма на творчество Марины Ивановны велико. Здесь ее постоянно сопровождали различные душевные переживания: в Гурзуф в 1911 году она приехала, чтобы забыть одну московскую любовь, и сразу же встречает коктебельскую – Сережу. В 1915 году, будучи у Черного моря с Софьей Парнок, Марина тоже не спокойна душой, и это также влияет на ее творчество (или его отсутствие).

В Крыму Марина впервые осознает себя в роли большого поэта, пишет почти что пророческие строки: «моим стихам как драгоценным винам Настанет свой черед». Отходя от романтики, Марина больше склоняется к одиночеству, своей исключительности, пишет стихи о Пушкине, с которым она идет рядом, о Байроне. В крымской поэзии она начинает противопоставлять себя толпе, которая после революции превратилась в разъяренную, кровавую, бессмысленную массу.

Особо громко звучит тема смерти в стихотворениях 1913-14 гг. Ее тогдашнее счастье ли дает ей право так свободно, вслух, размышлять о смерти? Как бы там ни было, всё это строки пророка, наперед увидевшего свое будущее, знание, что со временем ее поймут. Однако, тогда, в 1913 году подобные строки звучали грустно: «Настанет день, когда и я исчезну С поверхности земли...». Или еще: «Нежнее всех, кто есть и были, Не знать вины... – О возмущенье, что в могиле Мы все равны!».

Период жизни в Крыму Марина неоднократно называла одним из самых счастливых. В эти годы она выходит замуж, у них с Сергеем рождается дочь, на крымских вечерах поэзии они с сестрой Анастасией пользуются всеобщей любовью и признанием. И этого всего, возможно, и не было бы без того первого и так необходимого отзыва Максимилиана Александровича Волошина.

Résumé

Po mnoho desetiletí byl dům Maxmiliána Vološina v Koktebelu na Krymu kulturním a literárním centrem. Sám Vološin významným způsobem ovlivnil mnoho začínajících spisovatelů.

Setkání Cvětajeové s Vološinem patří k nejvýznamnějším událostem v životě mladé básnířky. Vološin byl první, kdo vysoce ohodnotil její dílo, když napsal recenzi na její první sbírku básní.

Krymské období bylo u Cvětajeové velmi plodné. Během pobytu v Koktebelu se seznámila se svým budoucím manželem, Sergejem Efronem.

Na vliv Vološinovy osobnosti bude Marina Cvětajeová vzpomínat ještě mnoho let po jejich setkání. Ve své črtě «Živé o živém» Cvětajeová charakterizuje Vološina – básníka i Vološina – člověka. Zdůrazňuje Vološinův vliv i na další básníky, pro které se “koktebelský ráj” stal také výchozím bodem tvorby.

V dospělosti byla Cvětajeová na Krymu pětkrát. Nejdéle zde pobývala v letech 1913-14.

Zvláštní význam v přátelství s Vološinem má také jejich korespondence. Cvětajeová věnuje Vološinovi i několik svých raných básní.

Sama Cvětajeová byla pro Vološina nejen velkým básníkem, ale zároveň osobností a přítelem. Jeho vliv na její tvorbu je bezesporný.

Список использованной литературы:

1. БУМБЕРАИ, К. Ю. Крым. Путеводитель. Симферополь, 1914. С. 562
2. «ЛГ-ДОСЬЕ», №9. Приложение к «Литературной газете». Главный редактор ГОРБУНОВ В. 1992 г, Москва.
3. ЛИТВИНОВА, Е. М., ФИЛИППОВА, М. А., БИНЬКИН, М. Б. Крым. Истории любви. Симферополь, 2009. ISBN 966-96744-2-5
4. МАРШАВИН, В. Н. Марина Цветаева. Полное собрание поэзии, прозы, драматургии в одном томе. Москва : Альфа-книга, 2008. ISBN 978-5-9922-0041-6
5. РАЗУМОВСКАЯ, М. Марина Цветаева. Миф и действительность. Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd, 1983. ISBN 0-903868-10-5
6. «Русская мысль», №2, с. 233. Москва, 1911.
7. СААКЯНЦ, А., МНУХИН, Л., СЕМЕНОВ, А. Марина Цветаева. Собрание сочинений в семи томах. Том 6. Письма. Москва, Эллис Лак, 1995. SBN 5-7195-0017-0 (Т. 6).
8. СААКЯНЦ, А. Жизнь Цветаевой. Бессмертная птица – феникс. Серия «Бессмертные имена». Москва, Центрполиграф, 2000. ISBN 5-227-00937-6
9. СААКЯНЦ, А., МНУХИН, Л. Марина Цветаева. Фотолетопись жизни поэта. Москва : Эллис Лак, 2000. ISBN 5-88889-049-9
10. ЦВЕТАЕВА, А. Воспоминания. Ч. 2. Москва, 1981.
11. ЦВЕТАЕВА, А. Воспоминания. «Сов. писатель», Москва, 1983.
12. «Юность», №8, 1984.
13. М. С. Muj zivotopis. M Svetajevova: Hodina duse

Источники интернета:

1. http://ru.wikipedia.org/wiki/Революция_1905—1907_годов_в_России
2. <http://www.tsvetayeva.com/voloshin-1>
3. <http://www.kostyor.ru/poetry/voloshin/?n=8>
4. <http://www.tsvetayeva.com/gumilev-3>
5. <http://www.maxvoloshin.ru/?page=4b321367-be94-4739-a129-09f66261ef6f&item=2cb598eb-f325-4119-b205-8404b57c2183&type=page>

6. <http://www.maxvoloshin.ru/?page=475dd28d-4fa6-4f6b-bee6-85ec0fb0d58c&item=2cb598eb-f325-4119-b205-8404b57c2183&type=page>
7. <http://www.maxvoloshin.ru/?page=466c991a-ffce-4287-9edd-095bd6478a4a&item=2cb598eb-f325-4119-b205-8404b57c2183&type=page>
8. <http://www.maxvoloshin.ru/audiobiography/>
9. <http://www.maxvoloshin.ru/?page=8eaa8b91-ad33-4f0c-8410-fa93ea02ee01&item=2cb598eb-f325-4119-b205-8404b57c2183&type=page>
10. http://www.kimmeria.com/kimmeria/feodosiya/museum_cvetaeva_main.htm
11. http://az.lib.ru/w/woloshin_m_a/text_0096.shtml

Приложение:

Стихотворения:

1. МАРШАВИН, В. Н. Марина Цветаева. Полное собрание поэзии, прозы, драматургии в одном томе. Москва : Альфа-книга, 2008. ISBN 978-5-9922-0041-6

Фотографии:

1. http://photo.tsvetayeva.com/categories.php?cat_id=10&sessionid=e8f0e5f7e351f2d1a35c9a1d20ae44fe
2. Цветные фотографии музея сестер Цветаевых и горы с профилем Волошина взяты из личного архива автора данной работы
3. http://www.maxvoloshin.ru/self_portraits/
4. http://koktebel.kr.ua/uploads/posts/foto/1274198034_1.jpeg

Приложение:

Идешь на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала – тоже!
Прохожий, остановись!

Прочти – слепоты куриной
И маков нарвав букет,
Что звали меня Мариной
И сколько мне было лет.

Не думай, что здесь – могила,
Что я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!

И кровь прилиwała к коже,
И кудри мои вились...
Я тоже была, прохожий!
Прохожий, остановись!

Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед, –
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.

Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь.
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.

Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...
– И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.

Коктебель, 3 мая 1913

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
– Нечитанным стихам! –

Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Май 1913, Коктебель

Солнцем жилки налиты – не кровью –
На руке, коричневой уже.
Я одна с моей большой любовью
К собственной моей душе.

Жду кузнечика, считаю до ста,
Стебелек срываю и жую...
– Странно чувствовать так сильно и так
просто
Мимолетность жизни – и свою.

15 мая 1913

Вы, идущие мимо меня
К не моим и сомнительным чарам, –
Если б знали вы, сколько огня,
Сколько жизни, растроченной даром,

И какой героический пыл
На случайную тень и на шорох...
И как сердце мне испепелил
Этот даром истраченный порох.

О, летящие в ночь поезда,
Уносящие сон на вокзале...
Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы вы – если б знали –

Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы, –
Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.

17 мая 1913

Сердце, пламени капризной,
В этих диких лепестках,
Я найду в своих стихах
Все, чего не будет в жизни.

Жизнь подобна кораблю:
Чуть испанский замок – мимо!
Все, что неосуществимо,
Я сама осуществлю.

Всем случайностям навстречу!
Путь – не все ли мне равно?
Пусть ответа не дано, –
Я сама себе отвечу!

С детской песней на устах
Я иду – к какой отчизне?
– Все, чего не будет в жизни
Я найду в своих стихах!

Коктебель, 22 мая 1913

Мальчиком, бегущим резво,
Я предстала Вам.
Вы посмеивались трезво
Злым моим словам:

"Шалость – жизнь мне, имя – шалость.
Смейся, кто не глуп!"
И не видели усталость
Побледневших губ.

Вас притягивали луны
Двух огромных глаз.
– Слишком розовой и юной
Я была для Вас!

Тающая легче снега,
Я была – как сталь.
Мячик, прыгнувший с разбега
Прямо на рояль,

Скрип песка под зубом, или
Стали по стеклу...
– Только Вы не уловили
Грозную стрелу

Легких слов моих, и нежность
Гнева напоказ...
– Каменную безнадежность
Всех моих проказ!

29 мая 1913

Байрону

Я думаю об утре Вашей славы,
Об утре Ваших дней,
Когда очнулись демоном от сна Вы
И богом для людей.

Я думаю о том, как Ваши брови
Сошлись над факелами Ваших глаз,
О том, как лава древней крови
По Вашим жилам разлилась.

Я думаю о пальцах, очень длинных,
В волнистых волосах,
И обо всех – в аллеях и в гостиных –
Вас жаждущих глазах.

И о сердцах, которых – слишком юный
– Вы не имели времени прочесть,
В те времена, когда всходили луны
И гасли в Вашу честь.

Я думаю о полутемной зале,
О бархате, склоненном к кружевам,
О всех стихах, какие бы сказали
Вы – мне, я – Вам.

Я думаю еще о горсти пыли,
Оставшейся от Ваших губ и глаз...
О всех глазах, которые в могиле.
О них и нас.

24 сентября 1913, Ялта

Быть нежной, бешеной и шумной,
– Так жаждать жить! –
Очаровательной и умной, –
Прелестной быть!

Нежнее всех, кто есть и были,
Не знать вины...
– О возмущенье, что в могиле
Мы все равны!

Стать тем, что никому не мило,
– О, стать как лед! –
Не зная ни того, что было,
Ни что придет,

Забывать, как сердце расколосось
И вновь срослось,
Забывать свои слова и голос,
И блеск волос.

Браслет из бирюзы старинной –
На стебельке,
На этой узкой, этой длинной
Моей руке...

Как зарисовывая тучку
Издавека,
За перламутровую ручку
Бралась рука,

Как перепрыгивали ноги
Через плетень,
Забывать, как рядом по дороге
Бежала тень.

Забывать, как пламенно в лазури,
Как дни тихи...
– Все шалости свои, все бури
И все стихи!

Мое свершившееся чудо
Разгонит смех.
Я, вечно-розовая, буду
Бледнее всех.

И не раскроются – так надо –
– О, пожалей! –
Ни для заката, ни для взгляда,
Ни для полей –

Мои опущенные веки.
– Ни для цветка! –
Моя земля, прости навеки,
На все века.

И так же будут таять луны
И таять снег,
Когда промчится этот юный,
Прелестный век.

Феодосия, Сочельник 1913

В тяжелой мантии торжественных
обрядов,
Неумолимая, меня не встретить.
На площади, под тысячами взглядов,
Позволь мне умереть.

Чтобы лился на волосы и в губы
Полуденный огонь.
Чтоб были флаги, чтоб гремели трубы
И гарцевал мой конь.

Чтобы церковей сияла позолота,
В раскаты грома превращался гул,
Чтоб из толпы мне юный кто-то
И кто-то маленький кивнул.

В лице младенца ли, в лице ли рока
Ты явишься – моя мольба тебе:
Дай умереть прожившей одиноко
Под музыку в толпе.

Феодосия, 1913

Ночь. – Норд-Ост. – Рев солдат. – Рев волн.
Разгромили винный склад. – Вдоль стен
По канавам – драгоценный поток,
И кровавая в нем пляшет луна.

Ошалелые столбы тополей.
Ошалелое – в ночи – пенье птиц.
Царский памятник вчерашний – пуст,
И над памятником царским – ночь.

Гавань пьет, казармы пьют. Мир – наш!
Наше в княжеских подвалах вино!
Целый город, топоча как бык,
К мутной луже припадая – пьет.

В винном облаке – луна. – Кто здесь?
Будь товарищем, красотка: пей!
А по городу – веселый слух:
Где-то двое потонули в вине.

Феодосия, последние дни Октября

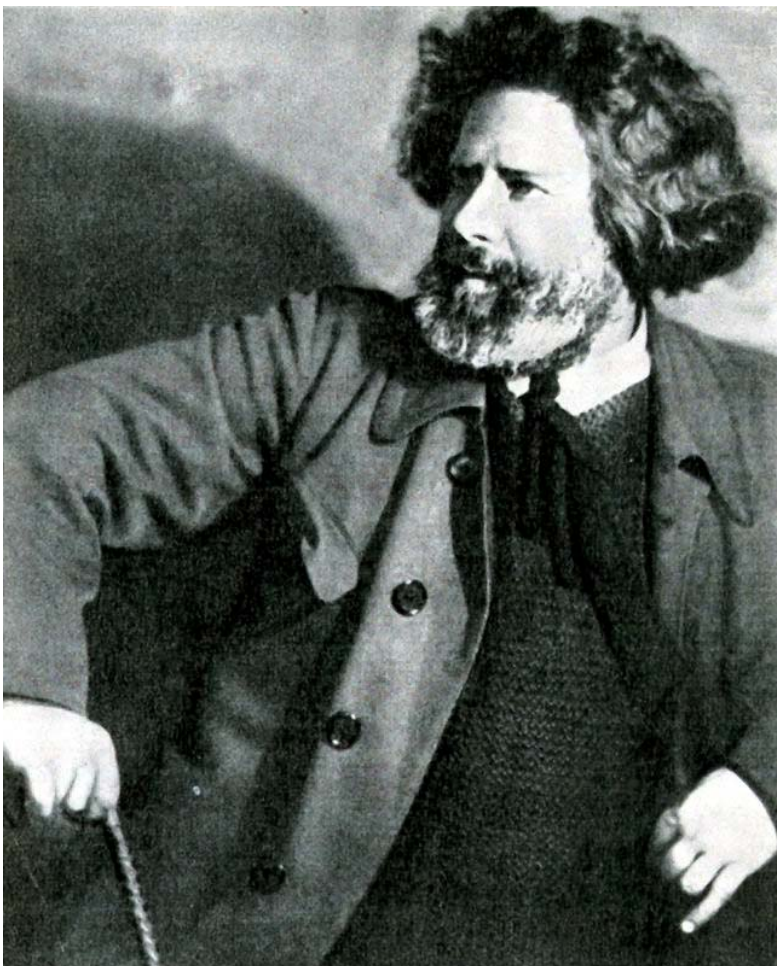
1911 г., Коктебель

1911 г., Коктебель. Слева направо:
Е. О. Волошина, Марина, Ася, Вера,
Сергей и Лиля Эфрон

1911 г., Коктебель: стоят: С. Эфрон, М. Цветаева, слева направо: Н. Беляева, А. Цветаева, В. Эфрон, М. Волошин, Е. Эфрон, Б. Фейнберг, М. Гехтман, Е.О. Волошина, М. Лямин

Максимилиан Александрович
Волошин, 1913 г.

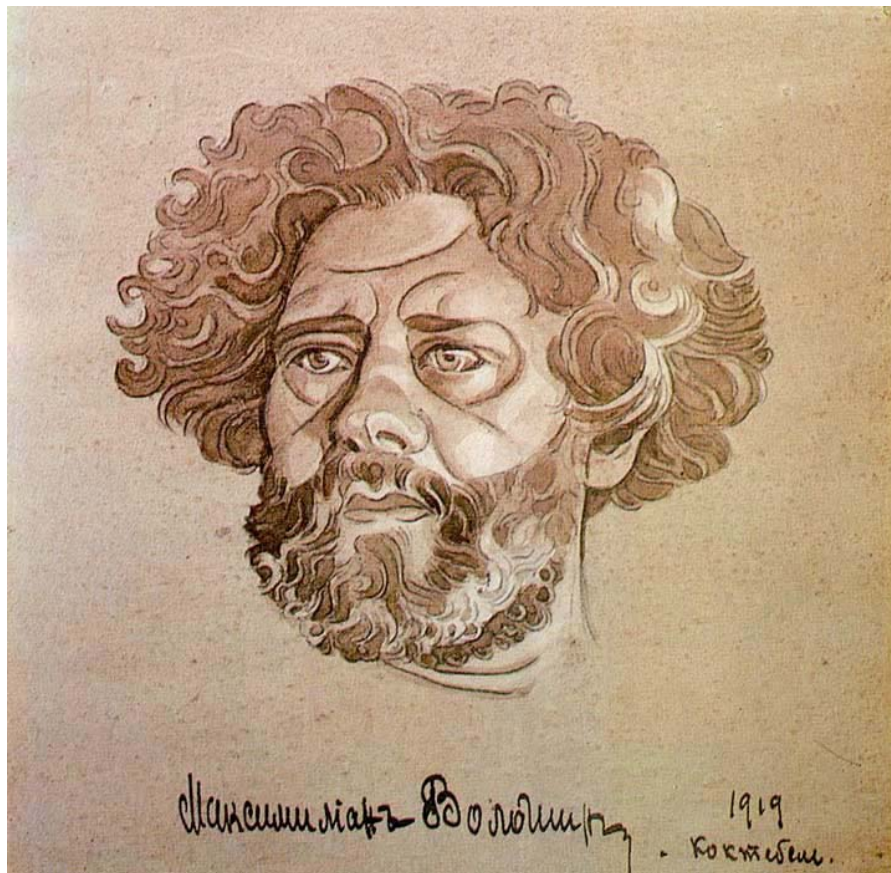
1913 г., Коктебель.
Слева направо: Е.О. Волошина, М.А. Волошин, С.Я. Эфрон, Аля, М.И. Цветаева

1913 г., Коктебель. Слева: Марина Цветаева, Лиля Эфрон, в центре – Сергей Эфрон;
справа – Владимир Соколов, Вера Эфрон, Елена Отгобальдовна Волошина, стоит
Владимир Александрович Рогозинский

1913 г. Отъезд Цветаевой из Коктебеля

Максимилиан Волошин, автопортрет

1914 г., Феодосия. Марина и Анастасия Цветаевы

1914 г., Феодосия.
Марина Цветаева и Сергей Эфрон

Дом-музей сестер Цветаевых. Феодосия

Коктебель. Гора с профилем Волошина

Дом М. Волошина в Коктебеле, 1910-е гг

Дом М. Волошина в Коктебеле, современный вид